

ОДНА К ПЕЧАЛИ

18+

ОБЩЕСТВО СОРОКИ

От автора
бестселлера
«Девушка
Online»

В сердце
этой школы скрыта
смертельная тайна

ЗОИ САГГ
ЭМИ МАККАЛЛОУ

Темная академия. Истории, окутанные тайной

Зои Сагг

Общество сороки. Одна к печали

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7Coe)-4

Сагг 3.

Общество сороки. Одна к печали / З. Сагг — «Издательство АСТ», 2020 — (Темная академия. Истории, окутанные тайной)

ISBN 978-5-17-135609-5

В элитной закрытой школе Иллюмен Холл случается трагедия – на вечеринке в честь окончания семестра находят тело студентки с загадочной татуировкой сороки на спине. Одри Вагнер – новенькая и старается держаться подальше от этой темной истории, но оказывается втянута в расследование: ее соседка по комнате Айви была близка с убитой девушкой. Все глубже погружаясь в историю ледящего кровь убийства, они выясняют, что за дверью их внешне идеальной школы кроется много секретов. В опасности каждый, кто сможет их раскрыть, ведь убийца не остановится ни перед чем, чтобы сохранить свою личность в тайне. Добро пожаловать в Общество сороки! И будьте осторожны...

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7Coe)-4

ISBN 978-5-17-135609-5

© Сагг 3., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Пролог	6
1. Одри	8
2. Айви	11
3. Одри	14
4. Айви	17
5. Одри	21
6. Одри	26
7. Айви	30
8. Айви	34
9. Одри	39
10. Айви	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Зои Сагг, Эми МакКаллох

Общество сороки. Одна к печали

Zoe Sugg, Amy McCulloch

MAGPIE SOCIETY
ONE FOR SORROW

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, a part of the Penguin Random House UK group.

Copyright © Zoe Sugg and Amy Alward Ltd 2020

The authors have asserted their moral rights

All rights reserved

© Н. Болдырева, перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

В ночь, когда она умерла, все наши телефоны были выключены.

Полиция не поверила нам.

«Подростки не ходят никуда без своих телефонов, – сказали они. – Думаете, мы повесим, будто вы не чатились и не селфились, или что вы там, молодежь, делаете на своих вечеринках в честь окончания семестра? Что никто не сделал селфи или не снял “бумеранг”?»

Мы все ответили одинаково: *«Нет»*.

Они все равно проверили наши телефоны. Залогинились в «облака». Но там ничего не было.

На месте преступления детективы нашли огрызок бумаги. Это был один из плакатов, которые висели на деревянной калитке, обозначающей вход на пляж. Там большими жирными буквами было написано: **«ЗАПРЕЩЕНЫ ТЕЛЕФОНЫ, КАМЕРЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ – НИКАКИХ ИСКЛЮЧЕНИЙ!»**

Как будто кто-то на вечеринке нуждался в напоминании. Потому что в этом и заключался весь смысл: мы хотели иметь шанс отключиться. Устроить вечеринку, которая не будет задокументирована, танцевать всю ночь напролет в блаженной анонимности, получить воспоминания, которые нельзя проверить фотографиями или видео. Никто не нарушил правил. Никто не хотел делать этого. Когда речь шла о том, чтобы заметить предательское свечение экрана смартфона или блеск линз фотоаппарата, у всех нас появлялся ястребиный взгляд.

Некоторые из нас при необходимости могли бы нарушить закон-другой. Но нарушить правила нашей вечеринки в честь окончания семестра? Никто бы не осмелился.

Офицер полиции закатывал глаза, допрашивая нас одного за другим. *«Вы хотите сказать, что все следовали этим правилам? Я вам не верю»*.

Но нам нечего было ему показать. Это была правда. Так что он попросил рассказать ему все.

В ту ночь пляж наполнился жизнью. Костер разожжен, языки пламени взмывали в небо. Некоторые поленья вспыхивали зеленым, пропитанные морской солью. Когда мы танцевали на пляже, наши тени тянулись вверх по меловым утесам, нависающим над заливом так, что казалось, будто утесы пляшут. Волны разбивались в отдалении, отлив оставлял на песке водоросли и ракушки. Летний вечер оказался теплым – начало начала очередной волны британской жары.

И, конечно же, он был полон *нами*. Без формы трудно сказать, кто есть кто. Забавно, не правда ли, что форма, созданная для того, чтобы все мы выглядели одинаково, на самом деле стала чистым холстом, на котором мы могли продемонстрировать свою индивидуальность? Теперь, в обычной одежде, мы выглядели обычными подростками. Но мы ими не являлись.

Мы были студентами Иллюмен Холла.

Вот что делало эту вечеринку особенной. В другое время года на наши мероприятия приходили ученики из соседних школ: наша вечеринка на Сайман стала легендарной, а если вы пропустили нашу рождественскую феерию, то можете попрощаться с любым подобием светской жизни.

Но пляжная вечеринка конца семестра принадлежала нам. Мы жили вместе целый год, и, независимо от того, нравилось тебе в школе или нет, расставание на лето наполняло сердце грустью. Как бы вы ни пытались избежать этого, но, став одним из избранных шестисот студентов Иллюмен Холла, вы вплетались в ткань школы. Лето разлучало нас, и эта вечеринка становилась последним воспоминанием, которое поддерживало наш моральный дух в течение двух месяцев вынужденной разлуки.

Воздух был пропитан запахом древесного угля. Поленья шелкали и потрескивали от жара, поднимая в быстро темнеющее небо тлеющие угольки. В сочетании с низкими ритмами музыки в стиле хаус и раскачивающимися телами все это опьяняло... а может, дело было в изобилии алкоголя, наливаемого в наши бумажные стаканчики.

Время тянулось, наступал прилив, и бухта оказалась почти отрезана от берега, а единственным выходом из нее остались вырубленные в скале грубо обтесанные ступени. Все было прекрасно: мы, песок, волны и огонь.

Леденящий кровь крик прорезал музыку. Толпа извивающихся тел замерла. Затем последовала волна, волна паники, передававшаяся от человека к человеку. Крики продолжались, музыка оборвалась, и мы как один бросились к воде.

Крик доносился с моря. У воды стояла какая-то фигура. Солнце уже скрылось за горизонтом, но вокруг еще было достаточно светло, чтобы все рассмотреть.

На песке лежало тело, волны плескались о подошвы ее ног. Она лежала на животе, но голова ее была повернута набок, а губы – неестественно посинели.

Бледная кожа, синие губы, спутанные пряди волос, скрюченные конечности. А на спине – сложная татуировка в виде сороки, каждая деталь которой была замысловато выписана поперек лопаток, которые выступали по обе стороны позвоночника остро, словно лезвия ножей. Крылья птицы были расправлены так, что их края загибались к ключицам, а хвостовые перья исчезали за вырезом платья.

Голос.

– Возвращайся в город и вызывай полицию. Она мертва.

1. Одри

Есть ли что-то хуже, чем начинать все сначала в новой школе? Оказывается, есть. Начинать все в новой школе, когда хлещет дождь и дует ураганный ветер. Всего за несколько месяцев мне удалось перейти из теплой, уютной средней школы из красного кирпича в солнечной Джорджии в то, что выглядит как убогая версия Хогвартса на удаленном от мира полуострове где-то на юге Англии, и в самую плохую погоду, какую я когда-либо видела. Дворники на ветровом стекле отцовского «мерса» двигаются со скоростью молнии, двигатель все еще работает, и этот звук действует на мои и так взвинченные нервы.

– Веди себя хорошо, Одри, – говорит отец с переднего сиденья, не поворачивая головы.

«Веди себя хорошо». Можно ли сказать это более многозначительно? На самом деле он хочет сказать: *Не облажайся, не испорти все еще сильнее, всего два года, и мы за тебя уже не отвечаем, мы умоем руки, распрощавшись с тобой раз и навсегда.* Но, конечно, ничто из этого на самом деле не прозвучало. Это читается в напряженных плечах моего отца и в том факте, что мамы тут нет вообще, она уехала с Джейсоном, моим младшим братом, на юг Франции. Эдисон, мой старший брат, учится в колледже в Нью-Хейвене, так что помощи ждать неоткуда.

Я не отвечаю отцу. Делаю глубокий вдох и смотрю в окно. Если на фотографии с веб-сайта он выглядел просто древним, то вживую Иллюмен Холл создает ощущение, что я очутилась в другом столетии. Он выглядит средневековым. Я бы не удивилась, увидев отрубленные головы плохих студентов, насаженные на пики между башенками в стиле «Игры престолов». И все же я рискую навлечь на себя гнев Ланнистеров, оставшись в машине с отцом еще секунду, так что открываю дверь, прижимаю к груди сумочку от «Шанель» и бросаю вызов дождю.

Отец что-то кричит, пока я бегу ко входу в школу, но его слова уносит ветер.

Появляюсь я эффектно, кубарем влетев в плавно открывающиеся двери, и, прежде чем успеваю понять, что происходит, капли дождя уже срываются с моей одежды на полированный деревянный пол.

Здание почти полностью поглощает шум бури снаружи, когда двери мягко закрываются за мной, и наступившая тишина приводит в замешательство. Медленно поднимаю глаза, пытаюсь рассмотреть сразу все. Взгляд останавливается на огромном портрете импозантной женщины, одетой в изысканное изумрудное шелковое платье. Она смотрит на дверь так, словно ожидает каждого входящего. Чувствую себя Дюймовочкой, что удивительно, потому что во мне пять футов одиннадцать дюймов¹ и обычно я возвышаюсь надо всеми.

– Устрашающе, не правда ли?

Резко оборачиваюсь и вижу женщину в элегантном бледно-розовом костюме и того же цвета туфлях на высоком каблучке.

– Ага. – Мой протяжный южный выговор эхом разносится по атриуму.

Фу. Никогда мне не случалось *звучать* настолько неуместно.

– Вы, должно быть, мисс Вагнер?

– О, хм, просто Одри, – отвечаю я.

На губах ее появляется натянутая улыбка: кажется, она не очень хорошо относится к тому, чтобы называть кого-то по-простому.

– Я – миссис Эббот, директриса Иллюмен Холла. – Она протягивает мне руку, и я слабо пожимаю ее. – Я видела, как вы с отцом остановились во дворе... простите, что не вышла поприветствовать вас, но... – Она пожимает плечами и указывает на лужу, которую я уже оставила на полу. – Ваши вещи благополучно прибыли, так что я покажу вам вашу комнату.

¹ Примерно 180 сантиметров. (Прим. ред.)

Вскидываю бровь. Я знаю, что у моего отца большая и важная компания, но разве директору – директрисе – пристало выступать в роли гида?

– А где все? – спрашиваю я.

– Большая часть учеников прибудет не раньше полудня, как раз к приветственному собранию.

Она разворачивается и уходит, даже не закончив фразу, я стараюсь не отставать, и мои шлепки хлопают по деревянному полу. Ударяюсь бедром о перила и едва сдерживаюсь, чтобы не выругаться. *«Неуклюжая, громкая, сквернословящая американка»* – не то впечатление, которое мне хотелось произвести на миссис Эббот. Дома я никогда не была такой неловкой, но тут невольно вытягиваю шею, чтобы поглазеть на высокий потолок с замысловатой резьбой на камне или на гигантские картины, которые почти полностью скрывают стены. Никогда раньше мне не случалось бывать в таких местах, если не считать музеев или галерей.

– Мы поместили вас в Доме Гелиоса, – сообщает миссис Эббот, поднимаясь по ступеням. – Вы будете делить комнату с одной из наших лучших учениц, мисс Мур-Чжан, так что можете задать ей все вопросы, какие у вас имеются. Она проведет для вас полный тур, как только вы устроитесь.

Я глубоко вздыхаю. Искренне надеюсь, что мы с соседкой станем добрыми подругами. Я хочу начать тут все заново: новая страна, новая школа и совершенно новые друзья.

Брендан, мой прежний бойфренд, рассмеялся, когда узнал, что у меня будет соседка по комнате. *«У тебя? Принцессы Одри?»* Хорошее напоминание о том, почему он – мой бывший.

Мы сворачиваем в коридор на втором этаже, где нам приходится перешагнуть через довольно большую кучу щебня. Миссис Эббот громко досадует на зияющую дыру в потолке.

Она видит, как я хмурюсь.

– Летом у нас тут производились некоторые работы, и мне *обещали*, что все будет закончено до завтрашнего дня. – Произнося последнее, она повышает голос. Кажется, откуда-то из глубин дырявого потолка доносится ответное ворчание. Мне становится интересно, не считает ли миссис Эббот, что я пожалуюсь папе. *«Как будто я могу»*.

Стараюсь не слишком запачкать пылью сумку, пока иду за миссис Эббот дальше по коридору.

– Вы взяли свою ID-карту? – спрашивает она, когда мы останавливаемся перед двойными дверями.

– О, хм. – Роюсь в сумочке, зная, что засунула куда-то туда этот дурацкий школьный пропуск. Он размером с кредитку, и, очевидно, это ключ ко всем помещениям школы... включая мою комнату.

Миссис Эббот ждет несколько секунд и, когда поиски становятся еще более отчаянными, испускает легкий раздраженный возглас. Она вынимает из кармана костюма свой собственный пропуск и проводит им по электронному замку.

– Вы должны следить за своей картой... без нее вам затруднительно будет перемещаться по комплексу.

– Вот она! – говорю я, наконец-то вытаскивая ее из-под косметички и футляра из-под эйрподсов. Я устраиваю целое представление, перекладывая ее во внешнее отделение сумочки. Мы проходим мимо чего-то, напоминающего почтовые ящики, укрытые стеклянным окном, и я замечаю свое имя, написанное под одной из полок.

– Вот мы и пришли. – Мы стоим перед комнатой номер семь. – Ваш дом до конца года. Извините, но я должна бежать... Как видите, еще много чего надо успеть до начала завтрашнего хаоса. Уверена, мисс Мур-Чжан скоро придет. А пока – устраивайтесь и распаковывайтесь. И, мисс Вагнер... добро пожаловать в Иллюмен Холл.

– Спасибо, – отвечаю я. Миллиард вопросов рвется с языка, но миссис Эббот не задерживается, чтобы выслушать их. Делаю глубокий вдох, успокаиваюсь и распахиваю дверь.

Первое, что я замечаю, – глубокий эркер прямо напротив двери, обрамленный объемной белой гардиной и тяжелыми коричневыми вельветовыми шторами. Напротив стоит маленькая скамья, покрытая зеленым, цвета листвы, атласом. Это место кажется идеальным гнездышком для чтения – пусть даже порой меня и тянет прилечь с книгой, – и хотя снаружи пасмурно, могу ручаться, что в хорошую погоду из окна падает много света. Стены обшиты панелями роскошного вишневого дерева, а по обе стороны от окна стоят односпальные кровати, два одинаковых шкафа, два письменных стола и два комода. Как будто в центре комнаты поставили зеркало.

Какие-то доски расшатались в деревянном полу, и они скрипят, когда я наступаю на них, но не сильно, с этим справится хороший ковер. Несколько картин, чтобы «согреть» дерево, немного разбросанных вокруг безделушек, и будет не так уж плохо. Улыбаюсь себе и достаю телефон, чтобы отправить фото Лидии, моей оставшейся дома лучшей подруге. Она помешана на дизайне интерьеров, так что у нее будет куча идей, как это все оживить.

Мои коробки и чемоданы стоят в коридоре снаружи, но я не спешу затаскивать их. Тем не менее первое, что я вынимаю, – моя школьная форма, выглаженная и свежая, в чехле из химчистки. Расстегиваю чехол и смотрю на костюм: мой новый наряд до конца года. Шерстяной пиджак глубокого синего цвета с золотыми пуговицами в форме звезд. Плиссированная юбка в тон, с акцентом из выполненных золотой нитью строчек. Не так уж и плохо.

Вздрагиваю, когда позади раздается голос:

– Не слишком-то расслабляйся. Эта комната проклята.

2. Айви

– Эта комната проклята, – говорю я, протискиваясь мимо высокой светлокожей блондинки в дверях, выглядящей хрупковатой.

«*Будь доброй*». Слова мамы звенят в ушах. Ужасный несчастный случай, произошедший с Лолой в начале лета, и так уже достаточно омрачил этот год. Но сложно оставаться доброй, когда знакомишься с девушкой, ради которой придется распрощаться с уединением.

И особенно сложно, когда все в ней кричит о том, что мы не поладим. В одной руке у нее огромный смартфон в розовом пушистом чехле, а через плечо перекинут ремень безвкусной дизайнерской сумки. Снаружи, должно быть, холод собачий, а на ней *шлепки*. Я не люблю судить о ком-то, не перекинувшись и парой слов, но с этой удержаться просто невозможно.

Она резко оборачивается на звук моего голоса, ее большие голубые глаза распахиваются от страха.

– О боже, ты напугала меня. Привет, я Одри!

О, все становится еще хуже. Американка.

Она вешает свой чехол из химчистки на дверь и протягивает руки ко мне, улыбка обнажает идеальные белые зубы.

– Так рада с тобой познакомиться! – говорит она.

Я ускользаю из ее объятий.

– Оу, воу, не так быстро, – бормочу я.

Не обращая внимания на страдальческое выражение ее лица, прохожу мимо нее и кладу свою потрепанную кожаную сумку на одну из кроватей, чтобы занять ее. Эта кровать лучше: с нее открывается вид из окна и на ней совершенно новый матрас – такие вещи знаешь, только если изучишь это место вдоль и поперек, как я.

– Мне нравится тут, – говорю, утверждая очевидное, но, похоже, ей это уточнение не помешает.

Пожав плечами, она кладет свою сумку на кровать напротив. Садится, и древние пружины скрипят. Невольно задаюсь вопросом, из какой пыльной кладовки они вытащили вторую кровать, превратив эту просторную комнату на одного человека в убогую двухместную комнату.

– Итак, ты моя новая соседка, – говорит она.

– У тебя потрясающие способности к дедукции, – отвечаю своим самым высокомерным тоном. – Я Айви.

Она хмурится, ковыряя кончик розового маникюренного ногтя. Отворачиваюсь от нее, изображая интерес к содержимому своей сумки, но чувствую укол сожаления. Это не *ее* вина, что я в таком ужасном настроении. Ну, окей, отчасти ее. Но она об этом не знает.

Я мечтала об этом годе с первой своей ночи в Иллюмен Холле: пялясь в потолок, слушая, как другие девчонки ворочаются и храпят в общей комнате, – когда наконец-то, *наконец-то*, я получу свою собственную комнату. Я перекраивала себя, сглаживая углы, и работала над своим поведением так, чтобы стать *единственным* учеником младшего класса шестой ступени ² в Гелиосе, который заслужит привилегию иметь собственную комнату. Когда в конце прошлого семестра это подтвердилось, мне не нужно было никаких других наград.

² В Британии образование делится следующим образом: начальная школа (Primary School) – 5–11 лет, 1–6-й класс, средняя школа (Secondary School) – 11–16 лет, 7–11-й классы, подготовка к университету (Sixth Form) – 16–18 лет, 12–13-й классы. Имеется в виду, что это шестой год обучения после пяти лет обязательного среднего образования. Таким образом, получается, что Айви и Одри находятся в 12-м классе, то есть младшем из двух классов подготовки к университету, шестой ступени. (Прим. ред.)

Потому что Иллюмен Холл – мой дом. В гораздо большей степени, чем крошечная квартира моей мамы. И наконец пришло время, когда мне не нужно было делить этот дом ни с кем другим, у меня должно было появиться свое собственное пространство – старая комната Лолы. Я всегда завидовала ей и надеялась, что после ее смерти эта комната поможет мне почувствовать себя ближе к ней.

Пока миссис Эббот не попросила меня разделить это пространство с Одри Вагнер. Американкой.

На самом деле это была не просьба, а требование, и если миссис Эббот что-то требует, вы не возражаете.

– Ты давно тут учишься? – спрашивает она мне в спину. Я громко выдыхаю через нос и продолжаю опустошать сумку. Когда я не отвечаю, она снова заговаривает. «*Хм, эта девица не понимает намеков?*»

– Не знаю, как вообще можно жить в таком месте. Такое чувство, будто ты в гребаном музее. – Ее акцент действует мне на нервы, но я достаточно заинтересована, чтобы снова обернуться к ней.

Она улыбается так широко, что я вижу каждый зуб у нее во рту. Зубы у нее очень ровные и белые едва не до слепящего блеска. Я немного завидую. Ее глаза того голубого оттенка, который наводит на мысли о фарфоровых куклах, и хотя ее волосы распущены и намочли от дождя, они остаются пышными, ложась небрежными легкими локонами, и непринужденно напоминают о стиле бохо.

Она кажется такой невинной и откровенной. Это и есть то самое южное очарование? Я перестраиваюсь. Я не обязана дружить с этой девушкой, но история Иллюмен Холла – одна из любимых моих тем, и я не могу устоять.

– Эта часть здания на самом деле довольно новая... думаю, викторианская.

Она роняет челюсть.

– Это что, ей сто лет?

Я закатываю глаза.

– Хочешь чего-то реально старого? У нас тут есть здание, построенное в тысяча четыреста восемьдесят седьмом.

– Воу. У нас есть несколько зданий девятнадцатого века в Саванне... это город, откуда я родом... и они считаются охренительно старыми.

Сдерживаю улыбку. Может, все же не такая уж она милая и невинная.

Резко разворачиваюсь. Я пришла сюда заявить права на постель, и я это сделала. У меня слишком много дел в этом году, слишком много всего, на чем нужно сосредоточиться, и вдоволь друзей вроде Харриет, Тома, Макса и Тедди. Новые мне не нужны. Она и так уже испортила мне весь год, объявившись тут, и я *не хочу* симпатизировать ей. Я планирую просто делить с ней комнату и вести себя прилично. Иду к двери, но как только делаю шаг, она тоже встает.

– Эй, ну, может, ты покажешь мне тут все? Кажется, ты много знаешь об этом месте. И, ручаюсь, я – отличная соседка по комнате. Я умею готовить убийственные сморы всего лишь с помощью свечи и вилки.

Я хмурюсь.

– Что такое сморы? – спрашиваю, хотя прекрасно знаю ответ.

– Ой, у вас тут такого не делают? Это очень вкусно. Поджаренный зефир с шоколадом между двумя крекерами.

– Крекерами? – Это слишком просто.

Она запинается.

– Ну, хм, что-то вроде печенья?

Жду, вскинув одну бровь.

Ее плечи поникают.

– У вас тут и этого нет?

Отрицательно качаю головой.

– Но звучит все же как навык, который тебе тут пригодится... ты вступишь, – говорю я, и голос мой сочится сарказмом.

– Ты просто уморительная, – заявляет она, прищурившись. Наше чувство юмора, очевидно, сильно различается. Этот разговор даже мне уже начинает казаться неловким.

Эта девушка действительно понятия не имеет, во что ввязывается. Я знаю, что миссис Эббот попросила меня предоставить ей свою комнату, потому что считала, что я возьму ее под крыло и прослежу, чтобы она была готова стать ученицей шестой ступени. Может, в прошлом году это бы и сработало. Но это было до ужасного случая на пляже, произошедшего пару месяцев назад. До Лолы. До того, как личное пространство стало для меня важнее, чем когда бы то ни было раньше.

«*Будь доброй*». В ушах снова звучат слова мамы. Я стискиваю зубы.

– Уверена, это вкусно, – отвечаю с картинным вздохом. – Все эти разговоры о еде разжигают аппетит. Хочешь, покажу тебе столовую? У нас приветственное собрание через несколько часов, так что у тебя есть время что-нибудь перехватить перед этим.

– Ты уверена? – Она осторожно поднимает с постели свою сумку. Может, я действительно отпугнула ее этой своей шуткой про сморы. Она медлит, взгляд ее исследует комнату.

– Так ты идешь?

Одри закусывает нижнюю губу. Она кажется напуганной, и от этого дрожь пробегает у меня по спине. «*Чего ей бояться?*»

– Ты сказала кое-что, когда вошла. Что эта комната проклята? Что ты имела в виду? – Теперь она смотрит на меня.

Делаю глубокий вдох, очень стараясь оставаться спокойной внешне. Я не хочу, чтобы она почувствовала тут себя как дома. Я хочу, чтобы она уехала.

– О, а миссис Эббот тебе не сказала? Девушка, которая жила в этой комнате, утонула.

3. Одри

Что ж, *это* ужасно. Меня передергивает. Несколько долгих мгновений мы смотрим друг другу в глаза. Она уже в своей школьной форме, блестящий значок с выгравированной буквой «П» приколот к лацкану. С ее по-летнему загорелой кожей, аккуратно подстриженным темным бобом и хрупкой фигурой, на первый взгляд Айви может показаться тихой и непримечательной, но ее слова наносят мне сокрушительный удар.

И я уж точно больше не хочу ничего знать об утопленнице.

– Знаешь что? Думаю, я сама тут сориентируюсь. В смысле, в школе. И выход из комнаты тоже найду. Еще увидимся. – Кажется, этого Айви не ожидала. Плечи ее напрягаются. Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь так цепенел. Но так же быстро она выходит из ступора и пожимает плечами.

– Как хочешь.

Я ожидаю, что она, по крайней мере, скажет мне, где столовая, но она просто молча уходит. Делаю глубокий вдох. Бессознательно ковыряю край лака на ногтях. Если я продолжу, он отойдет совсем – вместе с верхним слоем ногтя. Заставляю себя расцепить руки, сжимаю пальцы в кулаки. Эта цыпочка... эта *школа*... не испортят мой маникюр.

Наверняка тут не слишком сложно ориентироваться. На двери есть старомодный замок в дополнение к замку электронному, но ключа мне не дали, так что я прячу ноут под покрывало постели и закрываю за собой тяжелую дверь. Не имея конкретных ориентиров, решаю отправиться в направлении, противоположном тому, откуда мы пришли с миссис Эббот.

Боже, очень надеюсь, что не все тут такие неприятные, как моя соседка по комнате. Я привыкла к популярности... я *хочу* нравиться людям. Ловлю себя на том, что пытаюсь придумать способ заслужить дружбу Айви. Сумка у нее довольно старая и потрепанная, и у меня дома есть по крайней мере три похожих, которые можно привезти ей на замену.

Нет, это была старая Одри. Та, которая прогибалась под людей, словно мастер-йог, проповедующий дружбу. И куда это меня привело? Скрутило в узлы, которые невозможно распутать. Я не собираюсь делать это снова.

Когда коридор переходит в новый большой атриум с лестницами, ведущими в разных направлениях, я открываю «Снэпчат», чтобы отправить Лидии селфи. Встаю, прислонившись к полированным перилам, пытаюсь захватить в кадр как можно больше великолепия зала и при этом выглядеть мило. Добавляю к фотке кучу сердечек и нажимаю «Отправить». В груди тесно. Я так по ней скучаю.

Ну, я скучаю по Одри и Лидии полугодовой давности. По тем, какими они были до того, как все изменилось. Качаю головой. Это новое начало.

Снизу с лестницы доносятся голоса, и это, как я полагаю, означает, что начинают прибывать остальные студенты. Живот у меня скручивает при мысли о том, что нужно будет знакомиться с другими людьми. Все *обязано* пройти лучше, чем прошло с Айви, иначе это будут два очень долгих последних года старшей школы – или шестой ступени, как это у них тут называется. Проверяю на телефоне, как выгляжу. Макияж глаз, аккуратно нанесенный утром, смазался в углах. Постукиваю по коже, тушуя его безымянным пальцем.

– Лучше не делай так на виду у хозяйки корпуса, иначе у тебя будут большие проблемы.

Глубокий голос заставляет меня вздрогнуть, и мой мобильный выскальзывает из руки. Я взвизгиваю от неизбежности того, что вот-вот произойдет, хотя и знаю, что никак не смогу это остановить. Телефон отскакивает от блестящих ступеней раз, другой.

Он останавливается у ног парня, который прервал меня. Спотыкаясь, я спускаюсь по лестнице вслед за мобильным, громко хлопая шлепанцами. Парень опускается на одно колено, сгребает мой телефон и, рисуясь, протягивает мне.

– Миледи, – произносит он. – Ваш айфон.

Я даже не успеваю сообразить, симпатичный он или нет – обычно первое, на что я обращаю внимание. Хватаю телефон из его ладони, игнорируя кривую ухмылку, и переворачиваю.

Издаю стон и плюхаюсь на ступеньку. Паутина трещин расплзается по верхнему углу экрана, и одна неровная линия тянется вниз. Пусть даже я знаю, что это глупо, что это – просто телефон, который легко заменить, отправив короткое сообщение отцу, мне приходится закусить нижнюю губу, чтобы удержать наворачивающиеся на глаза слезы.

Парень садится рядом.

– Слышал, это к семи месяцам неудач.

Я закатываю глаза.

– Это про зеркала, не про телефоны. И разве не семь лет?

– Семь лет – про *настоящее* зеркало. Это цифровая версия. Все быстрее. – Он ждет мгновение, может, думает, что я засмеюсь или еще что. Но я все еще в шоке.

– Знаешь, я могу починить его, – продолжает он.

Вот теперь он привлек мое внимание. Я моргаю и впервые рассматриваю его. Он *симпатичный*, бледный парень с густой каштановой шевелюрой, острыми скулами и точеной линией подбородка. На нем школьный пиджак с рубашкой и джинсами, и так он уже выглядит лучше, чем большинство парней в Джорджии, с которыми я встречалась и которые никогда не надевали ничего кроме широких шорт и свободных футболок. Ресницы у него такие длинные, что их кончики задевают брови. Я улыбаюсь.

– Ты правда можешь?

– Ну, новенькая, тут все сразу становится проще. – Он тянется во внутренний карман пиджака и достает старый айфон в дешевом чехле с покемоном. – Возьми этот. Чехол можно поменять, – добавляет он.

Я скидываю бровь.

– Ты что, какой-то дилер с черного рынка айфонов?

Он смеется, и этот звук так громко отражается от стен большого атриума, что я ежусь. Школа так напоминает церковь, что его смех как будто оскверняет ее святость. Но сам он, кажется, ничего не замечает. Может, когда привыкаешь к этому месту, можешь вести себя так шумно, как хочешь.

– Нет, не так. Мы неправильно начали. Я – Теодор.

Я улыбаюсь.

– Одри.

– Ах, – отвечает он.

– Что значит это «ах»?

Он вспыхивает, и румянец с его щек поднимается до линии роста волос. Это мило.

– Ты новая соседка Айви.

– О, так ты знаешь Айви?

– Все знают Айви, – отвечает он. В конце фразы его губы кривятся. – Так как насчет, скажем, пятидесяти фунтов за телефон? – Он раскачивает передо мной чехлом с покемоном.

Я встаю, вдруг почувствовав неловкость. Я не стану покупать паршивый старый телефон у этого парня. Сжимаю свой разбитый мобильник, словно щит.

– Я оставляю себе этот.

– О, нет, ты не поняла. Всем нужно...

– Обойдусь. – Я спускаюсь на несколько ступеней.

– Ну, если передумаешь, большую часть времени я торчу в ОКС.

Киваю, но я понятия не имею, что такое ОКС и где это. Я просто хочу убраться отсюда. Пока в Иллюмен Холле я познакомилась с тремя людьми, и они все вели себя со мной странно. Я этого не ожидала.

Я спускаюсь вниз по лестнице, но меня тут же захлестывает волна студентов, входящих через тяжелые двойные двери.

Бросив взгляд назад, обнаруживаю, что Теодора уже нет. «*К лучшему*», – думаю я. В конце концов, я рассталась с Бренданом совсем недавно. На самом деле у меня все еще хранится голосовое сообщение от него, которое я так и не прослушала.

Встряхнув головой, выбрасываю мысли о горячем английском парне, которого только что встретила, и еще более горячем парне, которого оставила в Штатах. Это должно стать новым началом.

Никаких драм с парнями. Никаких стервозных друзей.

И *определенно* никаких больше утопленников.

4. Айви

– Пожалуйста, входите в каждый ряд с левой стороны и занимайте места до самой передней части. – Я указываю на деревянные стулья у сцены, пока студенты один за другим неуклюже набиваются в актовый зал, перешептываясь и сплетничая. В воздухе витает низкий гул возбуждения новичков, смешанный с нервозностью первого дня в школе. Все остальные мрачнее обычного, особенно когда видят, что происходит на сцене. Этого достаточно, чтобы заткнуть рот даже самым болтливым.

Я стараюсь не смотреть туда и сосредотачиваюсь на предстоящей задаче.

Став префектом ³, ты получаешь множество льгот, но они сопровождаются невероятно скучными обязанностями: например, каждую неделю присматривать за учениками, наполняющими зал на собрании. Я, конечно, понимаю, что... здоровые люди ведь способны занять места в положенном порядке? Оказалось, не совсем. Если предоставить их самим себе, начнется хаос. Смотреть, как новички блуждают, словно потерянные овцы, утомительно, а необходимость пасти их, как овчарка, очень сильно истощает мой запас энтузиазма в этот мрачный вечер.

Когда я громко рывкаю на первокурсника, который решает перепрыгнуть через стулья, будто надумав потренироваться в беге с препятствиями, миссис Эббот бросает на меня один из своих взглядов, и ее пронзительные серые глаза сужаются, пока она наблюдает, как я улаживаю ситуацию. Улыбаюсь ей в ответ своим самым очаровательным оскалом, который дополняют закатившиеся глаза. У нас с миссис Эббот очень сложные отношения. Не думаю, что ей нравится мое происхождение, но она не может отрицать того, что я заслужила свое место здесь. Мы раздражаем друг друга, как склочные родственники, но мне всегда удается как-то переиграть ее.

Довольно забавно смотреть на новеньких ребят седьмого года обучения ⁴. Они рот открывают от размеров зала, пялятся на потускневшие выгравированные золотом имена парней и девушек, ставших старостами и их префектами, развешанные по стенам на дощечках красного дерева, – список начинается с середины восемнадцатого века. В этом году под строкой «Префект» новым золотым листом сверкает мое имя. Но там, где должно значиться имя лучшей ученицы этого года, пусто. А Араминта Пирс – на своем месте.

Полное имя Лолы написано под большой фотографией, проецируемой на экран в задней части сцены. Даже на черно-белом фото видно, как сияет ее кожа, как сверкают глаза. Лоле бы сильно не понравилось это фото. На нем она – воплощенное совершенство, вплоть до выбившегося идеального завитка ее светлых волос, петелькой свисающего у уха. Но к концу прошлого года она выбрила широкую полосу по кругу под своими длинными волосами, а ее глаза были обведены таким черным карандашом, что светло-голубые радужки казались полупрозрачными. А еще появилась эта татуировка в виде сороки.

Все – даже ее лучшие друзья – были шокированы этим преображением.

Под фото темнела надпись:

*Долорес Рэдклифф
Навсегда в наших сердцах*

³ Префекты – часть британской школьной системы уже на протяжении десятилетий. Это социально активные ученики, являющиеся посредниками между «детским» и «взрослым» сообществами. Эти ученики выполняют часть функций школьной администрации, обеспечивают соблюдение правил, могут оперативно среагировать на неблагополучие в коллективе, выступая в качестве медиаторов. (Прим. ред.)

⁴ Имеется в виду первый год средней школы, седьмой год общего обучения, ребята примерно одиннадцати лет. (Прим. ред.)

Эти слова заставляют меня задохнуться на мгновение. Произошедшее все еще кажется нереальным. За все те годы, что я учусь в этой школе, мы ни разу не сталкивались с трагедией такого масштаба. На сцене стоит мольберт, накрытый красным бархатным покрывалом. Я почти жду, что Лола выскочит из-под него, будто это все – одна большая шутка. Если бы она все еще оставалась с нами, все было бы совсем иначе! И на сегодняшнем собрании царствовали бы радость и веселье, а не мрачное уныние. Я стояла бы рядом с Лолой, выполняя ее поручения, тогда как она занималась бы обязанностями старосты среди девушек. Я никогда не возражала против того, чтобы взять ей утром кофе или помочь с курсовой, ведь это значило проводить время с ней, что мгновенно поднимало твой авторитет. Лола была так притягательна, так непринужденно красива, что практически все любили ее. Но не только внешняя красота делала ее привлекательной. Лола была теплой и очаровательной, и каждое слово, слетавшее с ее языка, имело вес. Ее смех заставлял улыбаться так, что болела челюсть. Находиться рядом с ней казалось так же радостно, как отдыхать на пляже, слушать шум волн, ощущать песок между пальцами ног и холодок от бутылки сидра в руках.

Без нее так пусто.

Я поворачиваюсь, моргая, и провожаю последних старшеклассников на их места. Со смерти Лолы минуло много недель – целое лето – и много закатов, знакомств, разрывов и тропических ливней Кента. Время все тикает.

Чувствую укол зависти при виде сокурсников, которые выглядят спокойными. Они улыбаются и приветствуют друг друга, как будто это обычный день возвращения в школу, как будто смерть Лолы не потрясла их так, как потрясла меня. Я поклялась, что начну новый учебный год, не позволяя этому событию влиять на меня слишком сильно. Но по тому, что я чувствую, вновь увидев лицо Лолы, ясно, что ничего не получится.

Я занимаю свое место в конце ряда, рядом с Тедди. Он – еще один префект Дома Гелиоса... и мой парень. В некотором роде. Он сжимает мой кулак, а я – поглаживаю его пальцы, но мы не встречаемся взглядами. Я могу сорваться, если сделаю это, а я не хочу сейчас расклеиваться.

По деревянной сцене стучат каблуки, и я на секунду закрываю глаза.

Миссис Эббот выходит на середину сцены и вертит в руках микрофон. Наблюдаю, как Араминта и новый староста среди мальчиков, Ксандер Тамура, встают рядом с миссис Эббот, словно ее телохранители. Один из учеников играет на пианино, стоящем на краю сцены, «Stuff We Did». Это песня из диснеевского мультфильма «Вверх», одного из любимых фильмов Лолы, и мелодия эта очень красивая и нежная. Я играю на пианино с тех пор, как подросла достаточно, чтобы сесть за клавиши, и теперь по выходным учу воспитанников школы.

– Разве вы с Кlover не играли когда-то эту песню вдвоем? – шепчет Тедди. – Этот парень играет гораздо хуже, чем вы двое.

– Да, играли. – Я улыбаюсь при упоминании Кlover. Она на два года младше меня – мой птенчик, – и к своей миссии ее наставника я отнеслась очень серьезно. Она наверняка где-то за кулисами, регулирует свет и прокидывает кабели в своей вызывающей футболке с какой-нибудь грубой надписью, надетой под пиджак. Не знаю, как ей это удастся, но я откровенно восхищаюсь ее смелостью. Все знают Кlover. Если вдруг возникнет пикет по поводу количества воды, которое потребляет школа, или того факта, что в столовой недостаточно блюд для веганов, будьте уверены, Кlover возглавит его с каким-нибудь мудреным лозунгом, а иногда – в те редкие моменты, когда он не заперт в офисе миссис Эббот, – еще и с ее мегафоном.

Мы с Кlover очень разные. Она любит медитацию, пение в хоре и может днями ходить, не брея подмышки и ноги, просто чтобы доказать, что женщины не обязаны соответствовать ожиданиям социума. Она как горчица: ты либо любишь ее, либо ненавидишь – но ей на это плевать. Я восхищаюсь страстью, которую она вкладывает во все, что делает. В этом мы с ней родственные души, а следовательно – друзья.

Голос миссис Эббот возвращает меня к реальности.

– Добро пожаловать, студенты Иллюмен Холла. Вполне уместно будет начать наш год с того, чтобы уделить минуту и вспомнить об огромной потере для нашей маленькой общины: Долорес Рэдклифф, или, как многие из вас звали ее, Лола. – Миссис Эббот переступает с ноги на ногу. Голос у нее дрожит. – Я также хочу воспользоваться возможностью поблагодарить тех из вас, кто помог полиции своими рассказами о произошедшем и свидетельскими показаниями. Представляю, насколько трудным стало это лето для многих из вас.

То тут, то там по всему залу слышится тихое сопение, и по кругу щедро расходятся бумажные салфетки. Близкие подруги Лолы, Джейн и Элоиза, сидят справа от меня, громко всхлипывая и сморкаясь. Ее действительно все любили. Она обладала способностью заставлять людей чувствовать свою принадлежность к школе: даже при том, что члены ее семьи учились в Иллюмен Холле почти со времен его основания, она этим не кичилась.

Лола видела что-то во мне. Сложно объяснить наши отношения... Я не считалась одной из ее лучших подруг, но равнялась на нее, а она меня опекала. У меня всегда присутствовало чувство, будто я знаю ее... может, даже лучше, чем те, с кем она постоянно проводила время. Официальная причина смерти, названная полицией, – несчастный случай, поскольку Лола не оставила никаких записок семье. Но всех нас снова и снова предупреждают об опасности прогулок вблизи скал, особенно ночью. Говорят, чтобы мы не ходили туда специально, не приближались к краю – так что слово «самоубийство» само собой приходит на ум в итоге всех размышлений на эту тему. Думаю, невозможно угадать, что за демоны обуревают твоего ближнего.

Я так крепко стискиваю кулаки, что на ладони отпечатываются маленькие полумесяцы. Доктор Кинфелд не обрадуется... может, мне придется записаться к ней на еще один сеанс терапии, хотя я уже официально выписана.

– Но хотя мы скорбим и пытаемся научиться жить с чувством утраты и печали, мы должны также помнить, что Долорес Рэдклифф не хотела бы, чтобы мы вспоминали о ней только со слезами, потому что в нашей жизни она была источником света и красоты. Поэтому я с радостью сообщаю, что при поддержке родителей Лолы, мистера и миссис Рэдклифф, в этом году мы переименуем в ее честь бассейн.

Зал разражается громовыми аплодисментами, когда миссис Эббот указывает на мистера и миссис Рэдклифф, которые, как я теперь вижу, сидят в первом ряду. Миссис Рэдклифф по-прежнему одета в траурное черное платье с красным пятном шарфа на шее. Мистер Рэдклифф рядом с ней выглядит печальным. Сбоку от него – красивый старший брат Лолы, Патрик, которого я не видела с тех пор, как он много лет назад уехал в университет. Он был старостой, когда я только поступила в Иллюмен Холл. Рэдклиффы являлись знатью Иллюмен Холла. Даже их родители познакомились тут.

Лола станет единственной, кто никогда не окончит эту школу.

– У нас также есть прекрасный портрет Долорес, который я попрошу ее родителей продемонстрировать в конце сегодняшнего собрания. Его повесят у входа в Дом Гелиоса, где она провела столько счастливых лет. Если кому-то нужно будет поговорить со школьным психологом, прошу, договоритесь об этом через своего тьютора или подойдите прямо ко мне, – продолжает миссис Эббот. – Помощь доступна каждому, кто в ней нуждается, поэтому, пожалуйста, не страдайте безмолвно.

Теперь она переходит к стандартной части своей речи, которую мы слышим каждый год. Эти слова звучат успокаивающе. Они – привычная часть жизни в Иллюмен Холле. Они – словно страховочная сетка. Я прямо чувствую, как расслабляюсь, мускулы расплываются по стулу. Я и не осознавала, какое напряжение вызвали эти разговоры о смерти Лолы.

– Продолжая, я хотела бы поприветствовать наших новых студентов! Мне жаль, что ваш первый день начался так, но Иллюмен Холл приветствует вас с распростертыми объятиями, и мы рады, что вы теперь здесь.

Как раз в тот момент, как миссис Эббот собирается перейти к вопросу о том, почему Иллюмен Холл – лучшее место для учебы и роста, раздается громовой удар... и электричество отключается. Зал погружается во тьму. Слышатся аханье и вскрики, но голос миссис Эббот перекрывает шум.

– Все сохраняйте спокойствие!

Без микрофона она с таким же успехом могла бы попытаться успокоить стадо антилоп гну, готовящихся к паническому бегству. В зале нарастает напряжение, какое-то желание бежать, двигаться, и ветер бьет в лицо, как будто кто-то уже открыл дверь, чтобы спастись.

Вся эта сцена длится всего пару вдохов, затем раздается еще один хлопок, и свет снова включается.

– Извините, – раздается голос из глубины зала. Словно сурикаты, мы поворачиваем головы все одновременно и видим седого разнорабочего в темно-синем комбинезоне, вытирающего руки о грудь. – Полетел предохранитель. Теперь все в порядке.

– Успокойтесь, пожалуйста, – повторяет миссис Эббот, едва сдерживая раздражение. – Как вы все знаете, в школе ведутся работы, которые скоро закончатся, но пока могут случаться непредвиденные сложности.

Но шум в зале снова нарастает. Тедди сжимает мне плечо.

– Это ты мне дала? – Он поднимает неоновое-оранжевый прямоугольник – листовку.

Я отрицательно качаю головой.

– Нет, конечно нет.

– О, и у тебя такая же, – замечает он.

Я опускаю взгляд на колени. Точно, там лежит флаер: прямоугольник розового цвета, которого не было еще несколько минут назад.

Нахмурившись, я поднимаю его и переворачиваю.

Я ЗНАЮ, КТО УБИЛ ЛОЛУ...

И ОДИН ИЗ ВАС — СЛЕДУЮЩИЙ

<http://whokilledlola.com>

5. Одри

Черт. Значит, *она* – причина, по которой моя комната проклята.

Закрывая глаза, я вижу лишь черно-белое фото глядящей на нас девушки. Долорес Рэдклифф. Должно быть, она действительно много значила для школы – по всему залу плакали ученики.

А потом упали эти листовки. Они напугали меня до смерти. Но я ни за что не пойду на тот сайт. Я приехала сюда, чтобы *скрыться* от подобных драм.

– Ты в порядке? Выглядишь немного бледной.

Поднимаю взгляд, сердце несется вскачь. Я так долго сидела на своем стуле, что зал успел почти опустеть. Обнаруживаю, что оказалась наедине с двумя девушками, обе – в безукоризненной школьной форме. Я узнаю ту, что стоит ближе, – эта студентка была на сцене рядом с миссис Эббот.

– О да, прошу прощения, – отвечаю я.

– Мы, кажется, еще не знакомы? Я – Араминта Пирс, староста этого года. – Она широко улыбается мне, ее длинные светлые волосы, собранные в высокий конский хвост, слегка покачиваются.

– А я – Бонни, – говорит девушка пониже, стоящая прямо у нее за спиной. – Я в первом классе шестой ступени, как и ты.

– Ты Одри Вагнер, верно? – спрашивает Араминта, присаживаясь на пустой стул передо мной.

– О... – Моргаю несколько раз, ошеломленная. – Это я. Верно.

– О боже! У тебя такой милый акцент! Такое чувство, будто я на съемочной площадке «Нэшвилла»⁵.

– Ну разве ты не прелесть, – говорю я, изо всех сил стараясь изобразить Долли Партон⁶. И слышу одобрительный визг Араминты.

– Прошу прощения, я не поприветствовала тебя, когда ты приехала. Я стараюсь приветствовать каждого новенького. Но, уверена, Айви рассказала тебе, как тут что устроено! Она так умна, правда?

– Хотя, может, не так чтобы любит делиться, – подмигивает Бонни.

Араминта смеется.

– Хорошее замечание! Как вы, поладили?

– Эм.

Чем дольше затягивается пауза, тем шире она улыбается.

– О, какая я глупая! Как староста я интересуюсь всеми. Тебе придется привыкнуть к тому, что меня тут *очень много* и я сую нос во все твои дела. – Она грозит мне пальцем и смеется.

– Ну, мне очень приятно познакомиться с вами, – говорю я.

– Как тебе школа пока что?

Глаза у нее такие большие, а лицо такое открытое, что мне сложно солгать.

– Отлично! – отвечаю я, хоть и сквозь слегка стиснутые зубы. Может, все дело в моем акценте, но Араминта ничего не замечает.

⁵ * «Нэшвилл» (англ. Nashville) – американский музыкально-драматический телесериал с Конни Бриттон и Хайден Панеттьери в главных ролях, рассказывающий о жизни кантри-певиц в столице кантри-музыки, городе Нэшвилле, штат Теннесси. (Прим. ред.)

⁶ Долли Ребекка Партон – американская кантри-певица и киноактриса, которая написала более шестисот песен и двадцать пять раз поднималась на верхнюю позицию кантри-чартов журнала «Биллборд». (Прим. ред.)

– В нее невозможно не влюбиться, – щебечет она, пока Бонни согласно кивает. – Но ты должна кое-что знать. – Староста заговорщически наклоняется ко мне. – В школе существует иерархия. Младшие, мы называем их недолетками, помогают ученикам шестой ступени. Бегают по школе, выполняют наши поручения и все такое.

Я морщу нос.

– Немного странно, нет?

– Полагаю, только если не привык к такому. Но потом ты поймешь, что в Иллюмен Холле многое делается именно так. Все равно недолетки в основном помогают префектам.

– Префектам? – переспрашиваю я.

Араминта театрально хлопает себя по лбу.

– Конечно! Американка, откуда тебе знать. Префекты – это как школьные надзиратели, – со смехом поясняет она. – Ты узнаешь их по этим маленьким значкам. – Она достает ярко-желтый значок в форме щита с черной буквой «П», выгравированной посередине. – У меня, как видишь, значок немного другой. – Это ярко-красная звезда с золотой буквой «С». – Раньше там были буквы «СД» для старост-девочек и «СМ» для старост-мальчиков, это Ксандер. Но на десятом году обучения наша Кловер подала петицию, что необходимо сделать их более гендерно-нейтральными, так что теперь мы просто старосты. Хотя я все еще называю себя старостой-девочкой, потому что именно так себя и идентифицирую!

Я почти не слушаю, как Араминта трещит о том, что префекты должны «помогать ровной работе домов» и «контролировать занятия младших», что для меня звучит как тяжелая работа. По крайней мере, теперь я понимаю, что за значок видела у Айви. Перевожу взгляд на Бонни, которая смотрит на Араминту так, будто у той из задницы солнце светит. Я подавляю желание хихикнуть при этой мысли прежде, чем Араминта поймет, что я не слушаю. Уверена, она сказала бы, что префекты – это не повод для смеха.

– Так у тебя уже была полная экскурсия?

– Еще нет, – отвечаю я, резко переключая внимание.

– Хотела бы я провести ее сама, но Бонни столько знает о школе. И она учится с тобой, будет приятно видеть знакомое лицо в классе. Я вас пока оставлю! Мне все равно нужно разобраться со всем этим беспорядком. – Встав, Араминта подхватывает одну из этих листовок и тут же с отвращением бросает ее на пол.

Сама я намеренно ни к одной не прикасалась. Я вижу, что многие студенты скорбят о своей погибшей однокласснице, но не могу позволить втянуть себя в это. Уверена, что все это – печальная история и, судя по краткому взгляду на строки, отпечатанные на разбросанных повсюду бумажках, существует много вопросов по поводу смерти этой девушки. Но это не мое... ну, не мое дело.

– Готова? – спрашивает меня Бонни. Когда она улыбается, маленькие ямочки появляются на ее покрытых веснушками щеках. Она кажется довольно милой, и я напоминаю себе, что не стоит бояться заводить новых друзей. Я уверена, они вовсе не похожи на тех, что остались дома. И не все будут такими грубыми, как моя соседка по комнате.

– Полностью. Идем.

Бонни ведет меня из зала по длинным извилистым коридорам в кафетерий или, как она его называет, столовую. Произведения искусства висят практически на каждой стене, от картин с деревьями и странными викторианскими зданиями до бессмысленных абстрактных изображений. Дорога, по которой мы идем, теплая и светлая, но время от времени мимо мелькают входы в длинные коридоры, которые исчезают в тени. Когда я останавливаюсь, чтобы всмотреться в темноту, кажется, становится холоднее.

В этой школе перехватывает дыхание буквально от всего. Столовая светлая и современная, накрыта огромным куполообразным стеклянным потолком, словно теплица с растущим в центре деревом. Бонни поясняет, что есть и более официальный обеденный зал, но по большей

части все устраиваются тут. У меня урчит в животе – я не ела с тех пор, как приехала сюда, и отказалась от предложения Айви показать, где тут можно перекусить.

– Ты ведь в Доме Гелиоса, верно? – спрашивает Бонни, как только мы берем кофе навынос и слегка черствый маффин из кондитерского лотка в углу столовой. Мне уже нравится эта девушка.

– Ага, – отвечаю я.

– Так, это круто, это один из самых старых домов. Я в Нове, там только девчонки. Ты много знаешь о Домах?

Я качаю головой. Бонни улыбается, ей не терпится поделиться своими знаниями.

– Ну, в Иллюмен Холле их всего шесть, все они под разными звездами. Это своего рода страсть основателя Иллюмен Холла, лорда Брэйтбона, безумно богатого торговца с необычайным интересом к астрономии и астрологии. Вначале существовало лишь два дома, Гелиос и Полярис. Но по мере того как росло число студентов, добавлялось все больше домов, чтобы сохранить «семейную» атмосферу школы и ощущение, что она маленькая. Дом Нова был построен, когда тут впервые разрешили учиться девочкам. В передней Дома Нова висит портрет его первой управляющей, леди Пенелопы... я могу показать тебе в следующий раз, хочешь?

Я улыбаюсь.

– Спасибо.

Следует неловкая пауза, Бонни, наверное, ждет, что я продолжу выражать благодарность, но я не знаю, что еще сказать. Я чувствую, как она выносит мне приговор, и знаю, что должна привлечь ее на свою сторону. Я не хочу изолироваться *от всех*, кого встречаю в этой школе.

– Вау. Прямо огромный массив истории. Не думаю, что когда-нибудь начну ориентироваться во всем этом!

– О, ты еще удивишься.

Мне знакомы девушки такого типа. Она хочет дать мне что-нибудь, отчаянно хочет. Я предлагаю ей единственное, что меня пока интересует, и надеюсь, что это не задаст нашей беседе неправильный тон.

– Ну, есть одно место, которое я думала найти, место, которое называется ОКС.

– О, я, конечно же, могу тебя туда отвести. Но сначала скажи, ты занимаешься спортом?

Я пожимаю плечами.

– Эм, не очень.

– Ну, им тут нравится, если мы занимаемся каким-нибудь спортом... Я – в хоккейной команде.

– Ну, думаю, мне нравится играть в теннис.

– Отлично, пойдем, посмотрим открытые корты, пока не стемнело. – Бонни хватает меня за руку, тащит через ряд двойных дверей во двор.

У меня такое чувство, будто я на ускоренном курсе об Иллюмен Холле, пока она вываливает на меня лавину каких-то установок и правил, проводя одновременно экскурсию по территории. Бонни, кажется, знает тут всех... хотя, опять же, эта школа намного меньше моей прежней школы в Саванне. Всего несколько сотен учеников в сравнении с парой тысяч.

Оказывается, тут имеется целая куча спортивных команд, к которым я могу присоединиться, клубов, членом которых могу стать, любые внеклассные занятия, какие только можно придумать. Бонни мила и дружелюбна, и я расслабляюсь в ее компании. Впервые за долгое время я смеюсь и нормально болтаю. В последние дни я чувствовала себя одеревеневшей.

– Окей, и один последний момент, прежде чем мы пойдем в ОКС. Немного странная традиция Иллюмен Холла.

– Я тебе доверяю, – отвечаю я, смеясь.

Она улыбается мне, и мы направляемся обратно к главному зданию школы. Эта часть территории Иллюмен Холла, сразу за домом, очень ухожена: сплошные фигурно стрижен-

ные изгороди и ровный газон. Мы придерживаемся песчаных, посыпанных гравием дорожек, которые выются через парк. У одного из фигурных кустов неряшливый бородатый парень в облегающей джинсовой рубашке и заляпанных грязью брюках подрезает ветки.

– Кто это? – спрашиваю я Бонни.

Она шурится в сторону живой изгороди.

– А, это, если не ошибаюсь, внук мистера Тавистока. Эд, кажется? Они отвечают за территорию. Хотя они оба такие жуткие, что я бы предпочла не пересекаться с ними. Жена мистера Тавистока исчезла при загадочных обстоятельствах, и говорят, что ее тело не нашли лишь потому, что он знает все укромные уголки школы. – Бонни передергивает плечами, но на лице у нее улыбка.

Эта история не кажется мне забавной, но я выдавливаю улыбку, чтобы у нее сложилось впечатление, что я легко ко всему отношусь.

Солнце висит низко в небе, отбрасывая оранжевые отсветы на серый кирпич школы. Повсюду вокруг море, и ветер играет моими волосами, бросая их вокруг лица.

Если смотреть с этой точки, школа, благодаря всем пристройкам и дополнениям, представляет собой мешанину стилей. Стекланный купол столовой и башня в дальнем конце, которая будто вышла из сказки. Бонни замечает мой взгляд.

– Это крыло художественных классов. Ну, первый этаж.

– В таком случае отстойно, что я не выбрала изобразительные искусства!

Бонни передергивает плечами.

– О, совсем даже не отстойно. Это место тоже страшное. Клянусь, если идти мимо него ночью, оно гудит, словно какая-нибудь штуковина из «Черного зеркала»⁷. Я по возможности избегаю его. Ладно, вот мы и пришли! У тебя есть пятьдесят пенсов или что-то в этом роде?

– Чего?

– Мелочь. Монетка.

Мы подошли к большому пруду с пожелтевшими лилиями и нежно журчащим фонтаном в центре. Приглядевшись внимательнее, я вижу, что каменная кладка, окружающая пруд, и дно самого бассейна укрыты монетками, яркими булавками и другими блестящими безделушками. Бонни некоторое время качает в руке серебряную монетку, а потом кидает ее в воду. Затем скрещивает пальцы и говорит:

– Не трону сорок, и сороки не тронут меня.

Она поворачивается ко мне, ее круглое лицо светится ожиданием.

– Так у тебя есть подношение? – спрашивает она.

– Эм, извини... нет. Не ношу с собой налички.

– Подойдет любая блестяшка... Заколка, серьга или типа того.

Моя рука взмывает к сережке: изящные кольца, подаренные Бренданом. Как будто я брошу их в школьный пруд! Внезапно я чувствую тоску по Лидии. Она бы посмеялась вместе со мной над тем, насколько это абсурдно. Она гоготала из-за женщины, гадавшей на картах Таро в центре Саванны. Эта традиция показалась бы ей еще более нелепой.

– У меня ничего нет, – повторяю я.

– О, ну ладно. – Бонни грустнеет. – Не говори потом, что я тебя не предупреждала. Все делают это.

Она вовсе не шутит. Когда мы поворачиваем обратно к школе, оказывается, что за нашими спинами успела выстроиться небольшая очередь. Ученики готовятся отдать фонтану свои подношения.

– Приду и сделаю это в другой раз, – обещаю я, изо всех сил пытаюсь не закатывать глаза.

⁷ «Черное зеркало» – британский научно-фантастический телесериал-антология, созданный Чарли Брукером. Лейтмотив сериала – влияние информационных технологий на человеческие отношения. (Прим. ред.)

– Я бы вернулась на твоём месте, – произносит Бонни. – Что бы ты ни делал в этой школе, лучше не ссориться с сороками.

6. Одри

После жутковатой сцены у фонтана Бонни ведет меня обратно ко входу в Дом Гелиоса. Я чувствую себя измотанной попытками узнать побольше об этой школе. Кажется, все тут настолько сроднилось с местными традициями и обычаями, что они для учеников естественны, как родной язык. А я чувствую, как барахтаюсь в непонимании. Мы даже не добрались до этого дурацкого ОКС, так что я до сих пор понятия не имею, что это.

Когда я, наконец, возвращаюсь в комнату, Айви уже там. Она хорошо поработала: ее сторона комнаты полностью преобразилась. На кровати – новое фиолетовое покрывало, такое темное, что кажется почти черным, а стол завален книгами и с угла освещен старой потрепанной лампой. Все аккуратно разложено, а над столом висит календарь, покрытый маленькими цветными стикерами.

Она явно гиперорганизована, а я – определенно нет. Я не неряха, но у меня такое чувство, что она будет смеяться над моими валяющимися на полу вещами. Айви сидит на подоконнике спиной ко мне. Она даже не оглядывается, когда я вхожу. Холодный порыв ветра из открытого окна ударяет меня, на полу виднеется влажное пятно, оставленное прошедшим дождем, залетевшим в комнату.

– Можешь закрыть? – спрашиваю я, подавляя дрожь, бегущую вверх по рукам.

Она не двигается. В замешательстве я присматриваюсь и вижу, что Айви высунула одну руку в окно. У ног ее стоит пустая тарелка, вся в крошках. Наконец, она отвечает:

– Мне показалось, что я увидела гнездо за окном. Я хотела оставить птицам еды. Тут тебе зачтется, если ты относишься к ним хорошо.

– Это я уже слышала, – бормочу. – Очень мило с твоей стороны, – добавляю немного громче.

– Я вообще милая, – отвечает Айви не терпящим возражений тоном. Она закрывает окно. Ветер растрепал ее прямой, словно булавочная головка, боб, а капли дождя осели на темно-коричневых прядях крошечными бусинами.

– Это странное место, – начинаю я, пытаюсь завязать новый разговор.

– А ты чего ожидала? Разве тебе не выдавали какой-нибудь ознакомительный проспект?

– Ага, я по возможности не читаю это дерьмо, – признаюсь. – Люблю открывать все новое сама, понимаешь?

Она смотрит на меня так, будто я призналась, что прилетела с Марса.

– Нет, не понимаю. Если бы я переходила в новую школу, то хотела бы знать о ней все. Терпеть не могу неведения. – Айви откидывает покрывало и устраивается под одеялом. К моему удивлению, через мгновение она продолжает, отвернувшись лицом к стене: – Свет выключают в десять. Перед этим, вероятно, пройдет с проверкой кастелянша – учти, если вдруг тебе захочется убрать свои вещи.

– Спасибо? – отвечаю я, и в голос прокрадываются вопросительные интонации.

Она не отвечает.

Я вздыхаю. Не знаю, то ли из-за усталости, то ли из-за желания еще немного пораздражать соседку своими коробками, но я решаю, что уже слишком поздно распаковывать их.

Плюхаюсь на постель, вперив взгляд в спину Айви. Волна раздражения накрывает меня. Я не хотела, чтобы все сложилось так. Не хотела начинать свой первый день и знакомство с соседкой по комнате наперекосья. Я вроде как надеялась, что мы подружмся. Особенно после того, как я покинула всех своих близких друзей.

«Пусть катится», – замечает тоненький голосок в моей голове, и я знаю, что это правильно.

Все это должно было стать новым началом. Папа постоянно твердил мне, что Иллюмен Холл гордится своей теплой и дружелюбной атмосферой, тем, что воспитывает ярких граждан для будущего. Бонни и Араминта кажутся милыми, но хотелось бы мне знать, что такого я сделала, чтобы так быстро вызвать неприязнь Айви. *«Может, мы будем паразитировать друг на друге».*

Что за чудесная мысль.

Переодеваюсь, натягивая шорты и майку на тонких бретельках от Victoria's Secret, и забираюсь в постель. Мгновенно по телу начинают бежать мурашки. Возможно, мне придется потратиться на теплую пижаму, чтобы жить тут.

Вынимаю телефон, легко пробегаю пальцами по трещинам на экране. Повреждения лишь поверхностные, но они ужасно раздражают, и завтра мне придется написать отцу, чтобы он выслал замену. Не тот поступок, который соответствует установке «упрячь свою дочь в школу-интернат, чтобы она стала более независимой», как он надеется, но папа это переживет. Воспользовавшись минуткой, просматриваю личные сообщения, сториз в «Инстаграме», проверяю «Ватсап» и «Снэпчат». Дома уже полдень, и социальные сети активизировались. Странно думать, что в тот момент, когда мой день заканчивается, их – только начинается.

Но такой вот компромисс. Оставить свою прежнюю жизнь позади значит оставить позади и призраков, а это точно того стоит.

Я слышу легкий кашель и, повернувшись, вижу, как Айви садится на постели. У меня такое чувство, что она наблюдала за мной, хотя ее взгляд сосредоточен на книге, которую она держит в руке: «Рассказ служанки». Обязательное чтение для урока английского, полагаю.

Кто-то очень тихо стучит в дверь, и в приоткрывшейся щелке появляется лицо.

– Все в порядке, девочки?

– Все хорошо, мисс, – отзывается Айви.

– О, Айви... как чудесно, что ты стала префектом в этом году, хотя никто в этом и не сомневался. И теперь ты на шестой ступени... я так тобой горжусь.

Я борюсь с желанием закатить глаза. Почему все вокруг, кажется, молятся на эту девушку?

Затем взгляд учителя обращается ко мне. Она тепло улыбается, но меж ее бровями появляется маленькая морщинка, когда она переводит взгляд с меня на мои простыни. Я смотрю на свое постельное белье: оно вовсе не вызывающее, просто мой любимый масляно-желтый комплект, купленный в «Антропологии» и украшенный нежным цветочным принтом. Ведь в своде правил не может быть запретов на восхитительное, украшенное цветами белье?

– Мы ведь еще не знакомы? Прошу прощения, в первые дни я такая рассеянная, – говорит женщина.

Я качаю головой. После минутного колебания спускаю ноги с постели и подхожу, чтобы поприветствовать учителя как подобает. Если это та самая кастелянша, о которой говорила Айви, мне нужно поладить с ней.

– Я Одри Вагнер, – представляюсь я.

Хмурое выражение исчезает с ее лица, и она улыбается мне в ответ.

– Наша прекрасная новенькая! Здравствуйте и добро пожаловать. Я миссис Парсонс, кастелянша Гелиоса на этот год. И, полагаю, вы будете заниматься математикой в моем классе? Вы ведь идете по программе бакалавриата?

Я киваю. Для меня было проще перевестись по интернациональной программе бакалавриата, чем по этой странной системе обязательных экзаменов GCSE ⁸. В Иллюмен Холле есть программы по обоим направлениям.

⁸ GCSE (*General Certificate of Secondary Education*) – программа средней школы в Великобритании для ребят 14–16 лет. Продолжительность – 2 года (10-й и 11-й класс). В конце второго года дети сдают экзамен по каждому предмету. Некоторые

– Да, – говорю я. – Приятно познакомиться.

– Значит, завтра у вас вводная лекция, так что я не удивлена, что вы еще не знаете правил Иллюмен Холла. – Миссис Парсонс протягивает руку ладонью вверх. Я смотрю на нее, чувствуя себя глупо. Она шевелит пальцами, и когда я не сдвигаюсь с места, вздыхает: – Никаких телефонов в школе с понедельника по пятницу.

– Вы не можете взять мой телефон! – восклицаю я, прижимая его к груди.

– Обещаю, он будет в полной безопасности... Мы храним их запертыми в стеклянном шкафу так, чтобы вы их видели. Вообще-то, идемте со мной.

Я оглядываюсь на Айви за... не знаю... поддержкой? Помощью? Но она прилежно читает свою книгу. Миссис Парсонс уже опережает меня на несколько шагов, поэтому я бегу, чтобы догнать ее. Она останавливается перед дверью, над которой висит табличка с надписью «Кастелянша». Прямо за дверью – застекленный стеллаж с выгравированными именами под каждой ячейкой. Теперь я вижу, что то, что сперва приняла за почтовые ящики, – это маленький зоопарк для телефонов.

– Я знаю, вы, ученики, относитесь к этим штукам как к собственным детям! Так что вот они. Это для вашего же блага. С тех пор как мы ввели эту инициативу, продуктивность студентов выросла на тридцать процентов. Подумай о чтении, которым можно заняться вечерами, как делает мисс Мур-Чжан.

На этот раз, когда она протягивает руку, я неохотно кладу в нее телефон. Разбит экран или нет, а это все же моя связь с внешним миром.

– Мы все должны делать это, – добавляет миссис Парсонс, указывая на стеллаж. Конечно же, над именем Айви лежит тонкий черный смартфон. Я с трудом сглатываю, наблюдая, как кастелянша запирает мой сотовый в маленькой ячейке с моим именем.

– Вы получите его обратно на выходные, но убедитесь, чтобы он был здесь заперт к понедельнику. А теперь, когда вы знаете правила, если мне придется просить вас снова, вы получите штрафные баллы. Но я уверена, у нас не будет проблем. – Должно быть, она видит потрясение на моем лице, потому что кладет руку мне на плечо. – Жизнь в Иллюмен Холле не похожа на жизнь где бы то ни было. К этому нужно привыкнуть, но вы привыкнете. И если у вас возникнут какие-то проблемы, вы знаете, где меня найти.

Я поворачиваюсь на пятках и иду обратно в свою комнату. Весь мир словно в тумане.

– Ты могла бы предупредить меня, – бросаю я Айви, вернувшись.

– Я тебя предупреждала. Не моя вина, что ты предпочла не слушать. – Она демонстративно вставляет наушники.

– Сука, – неслышно выдыхаю я.

Затем хмурюсь. «*На чем Айви слушает музыку?*» Бросаю еще один взгляд и вижу, что она сидит на постели, набирая сообщение.

На телефоне. На совершенно новом айфоне.

– Где ты это взяла? – спрашиваю, повышая голос. – Эй! – окликаю снова, потому что соседка игнорирует меня.

– Что? – Она, наконец, поднимает взгляд, вынимая наушники, рот ее кривится в раздражении. Ну и пусть. Мне нужны ответы.

– Где ты взяла этот телефон?

Айви хмурится.

– Мой телефон? Купила в магазине.

– Ну да, окей, но как он оказался у тебя тут? Я видела твой телефон в шкафу, в кабинете миссис Парсонс.

Впервые Айви смотрит на меня с чем-то похожим на жалость.

– О, дружочек. Никто не отдает свой настоящий телефон. А теперь, пожалуйста, прекрати мне мешать. Мне нужно дослушать.

Я едва не зову миссис Парсонс, чтобы сдать Айви... но на самом деле понимаю, что не сделаю этого. И Айви тоже понимает. Это просто еще одно правило этого места, которое я должна усвоить.

Может быть, Теодор был прав. Мои семь месяцев неудач начались.

7. Айви

Одри, наконец, бросает попытки поговорить и поворачивается ко мне спиной, натянув до подбородка шикарное желтое одеяло. Даже представить себе не могу, сколько оно может стоить. Смотрю на собственное одеяло и ковыряю его растрепанный край.

Вздыхаю. Теперь жизнь в младшем классе шестой ступени уже не похожа на ту, ради которой я приложила столько усилий. Да, у меня есть значок префекта, и я очень горжусь этим, но это должен был быть МОЙ год. Год, в который я преуспею во всех предметах, когда зароюсь в учебу, по-настоящему сосредоточившись. Отличный аттестат – ступенька в жизнь и карьеру, о которой я мечтаю. То, что меня заставили делиться этим – вот это *реально* дерьмово. Как и мое отношение к происходящему. К тому же невозможно забыть, что последние свои дни Лола провела в этой самой комнате.

Я знаю, что в ней должны звучать отголоски ее смеха, и боюсь, что однажды ночью закрою глаза и услышу их. Я пытаюсь думать о чем-нибудь другом. Ничто не идет на ум. Мой телефон вибрирует. Тянусь под подушку и вытаскиваю его. Это Тедди.

Привет, пронира ⁹. Просто хотел пообщаться. Я знаю, ты сейчас, наверное, не спишь, погруженная в свои мысли. Если я тебе нужен, ты знаешь, я тут. Давай пообедаем завтра у бассейна? Мне кажется, мы уже несколько недель толком не оставались вдвоем, и я скучаю. Было приятно увидеть тебя на собрании. Кончай заморачиваться и спи. Целую.

Бесит, как хорошо он меня знает. Я собираюсь набрать ответ, но замечаю, что он снова печатает. Затем останавливается.

Жду еще чуть-чуть, бездумно пялясь в пустое окно сообщений, и курсор пропадает. Ложусь на спину и принимаюсь пялиться в потолок. Луна бросает на него тени через щель в занавесках. Расстроенная, я закрываю сообщения. Затем замечаю уголок розового флаера, который я сунула в чехол для телефона. Хмурясь, разворачиваю его. Появляется сообщение от Тедди, у него сверхъестественное чутье на подходящие моменты.

П. С. Ты уже смотрела сайт?

Я начинаю печатать:

Как раз собиралась.

Делаю глубокий вдох, открываю браузер и ввожу адрес. Это простая страничка с одним лишь жутким заголовком: «Я ЗНАЮ, КТО УБИЛ ЛОЛУ» – и ссылкой ниже.

Меня передергивает. Я щелкаю по ссылке, и она перенаправляет меня в приложение для подкастов. Принимая во внимание совет Тедди не заморачиваться, нажимаю «Подписаться» и щелкаю, чтобы прослушать первый эпизод.

ПОДКАСТ «КУЛ?»
СТЕНОГРАММА
ЭПИЗОД ОДИН

[Вступление] Тихий, низкий ритм, словно стук сердца.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛОС

⁹ Имя Айви (Ivy) переводится с английского как «плющ», так что Тедди иронизирует над этим, намекая на способность растения проникать повсюду. (Прим. ред.)

Добро пожаловать, любопытствующие, в первый эпизод подкаста «КТО УБИЛ ЛОЛУ?». Я – ведущий, НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛОС. «Н» – для краткости, и я проведу с вами следующие несколько недель, погружаясь в тайну смерти Долорес Рэдклифф, любимой ученицы знаменитой и загадочной школы-интерната, Иллюмен Холл. Всем своим друзьям она известна как Лола, ее смерть полицией Кента была официально признана несчастным случаем. Но у меня есть все причины верить, что это было нечто гораздо более зловещее. И я также верю в то, что тот, кто это сделал, еще не закончил.

Подписывайтесь и слушайте, как я зацепка за зацепкой неустанно работаю над тем, чтобы собрать воедино эту запутанную головоломку – неразгаданную тайну того, КТО УБИЛ ЛОЛУ?

[Интерлюдия] Тридцать секунд мелодичного звона.

Н

С чего начать? Я думаю, будет справедливо сказать, что все мы – студенты и сотрудники Иллюмен Холла – были опустошены, когда в начале лета тело Лолы выбросило на берег на вечеринке в честь окончания семестра.

К настоящему моменту большинство из вас уже слышало эту историю, но если вы жили на необитаемом острове, или оказались из тех несчастных студентов, которые должны были отправиться домой перед печально известной вечеринкой, или если вы подключились к нам из-за пределов вакуума Иллюмен Холла, позвольте дать вам немного предыстории.

Лола Рэдклифф была одной из сияющих звезд Иллюмен Холла. Семнадцать лет, популярная, красивая, с начищенным до блеска значком старосты, готовая к выпускному году. У нее было все, чего она хотела. И, конечно же, тот, кто отбрасывает такой свет, всегда оставляет в тени ревнивые взгляды...

Вечеринка в честь окончания семестра в Иллюмен Холле – это кульминация года и начало лета. Вне всяких сомнений, Лола планировала быть там. Мы знаем, что она покинула дом, одетая в винтажное коктейльное платье Lanvin. Мы знаем, что она села в свою машину и что камеры наблюдения, а также дорожные камеры отслеживали ее вплоть до залива Уинферн, что всего в нескольких милях от пляжа, где проводилась вечеринка.

Она заранее отправила сообщения, подтверждающие, что она планирует встретиться со своими друзьями у костра, так как на вечеринке не разрешалось пользоваться телефонами.

Но вместо этого ровно в одиннадцать сорок семь вечера на пляже оказалось лишь ее тело.

Позвонили в полицию, допросили всех, кто присутствовал там, задали вопросы ее друзьям и семье, и в конце концов коронеры признали смерть Лолы несчастным случаем. Они считают, что она упала со скалы, и на этом зыбком основании делают вывод о том, как она оказалась в воде. Но почему они так уверены в этом? Те, кто ее знал, утверждают, что она не стала бы гулять по скалам в одиночестве глубокой ночью. Каждому студенту Иллюмен Холла внушается, как это может быть опасно. А Лола была далеко не глупа.

Часто в подобном обвиняют парня девушки. Но Лола была светской бабочкой, и ни один парень не смог привязать ее к себе, она всегда привлекала

мужские взгляды, даже тех парней, которые не могли позволить себе любить ее.

Друзья иногда даже более опасны, чем возлюбленные. А как насчет известной сплетни, будто бы Лолу видели плачущей в туалете шестой ступени? Неужели зависть заставила кого-то перейти черту?

Или Лола просто оказалась не в том месте не в то время? Знаете ли вы, что в ту ночь у скал было замечено несколько подозрительных личностей? Что, вы думаете, полиция должна сказать об этом?

Я знаю, что-то не складывается. Я недоволен. Я не удовлетворен. И я не оставлю это просто так.

[Интерлюдия] Играет драматичная музыка.

Мы поговорим с ведущим следователем.

МУЖСКОЙ ГОЛОС

В нашем расследовании мы проверили все. А теперь извините, меня ждут важные дела.

Н

Поговорим с семьей Лолы.

ГОЛОС МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

У нее не было проблем с психикой. Она всегда была счастлива, словно солнечный зайчик. Мы не можем этого понять.

Н

С ее учителями.

ГОЛОС ДРУГОГО МУЖЧИНЫ

Она признавалась мне, что знает: ее родители хотели, чтобы она поступала в университет, но она мечтала об актерской карьере, и я поощрял это. У нее был огромный потенциал.

Н

С ее друзьями.

ГОЛОС МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ

Я просто не понимаю. У нее были планы. Мечты. Она бы так не поступила. Я знаю.

Н

Но как вы думаете, хотел ли кто-нибудь ее смерти?

ТА ЖЕ МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА

[Долгая пауза]

Конечно, нет. Но она была такой необузданной и беззаботной, понимаете? Она была светом. Маяком. Однако свет притягивает не только хорошее, но и плохое. И она любила опасность.

[Интерлюдия] Играет тихая музыка.

Н

Иногда полиция довольствуется простыми ответами. Но те из нас, кто знал Лолу, не могут просто стоять в стороне. Слишком много вопросов осталось без ответов. Слишком много бессмыслицы.

И, конечно, возникает вопрос о загадочной татуировке в виде сороки. Что, если ее смерть имеет отношение не к Лоле, а к той школе, которую она так любила? Каждого ученика в Иллюмен Холле предупреждают, как опасно злить сорок, но к этому относятся как к забавной традиции, части очаровательной школьной атмосферы.

А что, если за этим стоит нечто большее?

И что, если смерть Лолы – не самоубийство, а убийство?

[Интерлюдия] Играет драматичная музыка.

Н

Спасибо за то, что присоединились ко мне в этом вводном эпизоде подкаста «КУЛ?», в котором мы докопаемся до сути того, что случилось с Лолой Рэдклифф – вместе.

На следующей неделе я организую интервью с ведущим детективом и поделюсь тем, что узнал о татуировке сороки. Все не то, чем кажется. Разве вы не хотите знать, кто на самом деле контролирует эти коридоры? Ручаюсь, это не миссис Эббот и не ее банда префектов.

[Интерлюдия] Звук нарастает.

Оставайтесь на связи, чтобы услышать второй эпизод «КТО УБИЛ ЛОЛУ?»

[Конец] Играет музыка.

8. Айви

По всему парку утренняя роса осела на верхушках поздних летних цветов и застыла на аккуратно подстриженной траве. Свежий туман витает над крышами зданий, и свежий воздух проникает в мои легкие, когда я выхожу и делаю глубокий вдох. Я люблю бывать на улице, будь то дождь или солнце. Сама возможность смотреть в небо и вдыхать свежий воздух – как наркотик. Мгновенный удар дофамина. На самом деле ничто не сравнится с этим. А когда ты едва спал – как я прошлой ночью, после того, как прослушала подкаст, – помогает освежиться.

Мои подошвы стучат по лесной тропинке, что ведет вниз, к берегу. Верхняя губа солена от пота, сердце бешено колотится. Бегать тут – гораздо лучше, чем бегать по улицам Лондона. Тут мне даже не нужно включать музыку – хотя я все равно бегаю в наушниках, на тот случай, если вдруг встречу кого-нибудь, чтобы со мной не пытались заговорить. Гораздо лучше слушать пение птиц, слышать, как волны ударяются о скалы, когда я подбегаю к берегу. Мне нравится это ощущение воздуха, свистящего в ушах и проникающего в волосы, нравится работать руками, нравится, как адреналин наполняет тело. В девять лет я взяла приз за первое место в кроссе на чемпионате школ штата среди младшеклассников, обогнав всех детей моего возраста и старше в каждой школе нашего региона. Мама все эти годы хранила все медали и кубки, хотя я уверена, сегодня они пылятся в какой-нибудь коробке.

Этим утром я выбрала свой любимый маршрут, вокруг естественно-научного корпуса, через лес, по узкой полоске земли, что отделяет школу от острова, затем, наконец, вдоль берега к заброшенной часовне. Еще рано, так что тут по-настоящему тихо. Я оставила Одри посापывать в постели. Ручаюсь, она не заходила на сайт прошлой ночью в отличие от всех остальных студентов. Если бы заходила, не спала бы так крепко. Она сбивает меня с толку. Как можно быть настолько невежественной и не хотеть ничего знать?

Я не могла сдержать болезненного любопытства. Ведущий подкаста остался анонимом, голос прогнали через какое-то приложение, чтобы исказить его настолько, что неясно даже, мужчина это или женщина.

Конечно, все сказанное Н совершенно не соответствовало истине. Полиция сказала, это был несчастный случай. Лолу не убили, что бы там ни утверждал неведомый аноним. Только трюсы прячутся за маскировкой, словно «тролли» в «Твиттере» – за аватарками с яйцом¹⁰. Собственно, именно этим и занимался этот человек. Троллил школу. Прослушав прошлой ночью подкаст, я тут же написала Харриет. Мы с ней дружили много лет. Она была первой из учеников седьмого года, кто познакомился со мной. Немного дерзкая, мучительно честная, но с золотым сердцем. Иногда она чертовски раздражает, всегда говорит не думая и постоянно вляпывается в кучу проблем, но все эти годы в Иллюмен Холле мы были неразлучны.

Она согласилась, что все это выглядит совершенно бестактно. Девушка мертва... а этот человек, по сути, просто распускает сплетни. Думаю, этот безымянный мерзавец будет эксплуатировать смерть Лолы так долго, как только сможет.

Ускоряю шаг, пытаюсь убежать от воспоминаний: синие губы Лолы и эта отвратительная татуировка. Я и правда верила, что новый семестр сможет положить этому конец. Что я смогу забыть о той ночи и сосредоточиться на своем будущем.

Единственный, кто уже встал в такое время, – мистер Тависток, садовник. Идя своей медленной, слегка шаткой походкой, он толкает по дорожке тачку. И я не знаю, кто из них кого поддерживает в данный момент. Он кажется таким же вечным, как каменные стены, обре-

¹⁰ По умолчанию в сервисе «Твиттер» вставала пустая аватарка с белым пятном в форме яйца, если пользователь не загружал свое изображение. Такие пустые, необжитые аккаунты часто использовались сетевыми «троллями» для публикации оскорбительных и провоцирующих комментариев. (Прим. ред.)

ченным бродить по этой земле еще многие годы после того, как я окончу школу. Я прохожу мимо его аккуратного маленького домика, одного из ряда домов, разбросанных по периметру школьной территории, – домов некоторых учителей и их семей или других школьных служащих. Конечно, есть прекрасный тюдоровский коттедж директрисы, его стены – почти такие же древние, как самое старое здание в Иллюмен Холле.

Старый мистер Тависток взял меня под крыло, когда я только начала учиться тут. Я часто гуляла по парку одна, и, в конце концов, мы начали болтать. Он даже иногда гулял со мной. Рассказывал мне о цветах, цветущих в разные времена года, о жуках и диких животных, прекрасно устроившихся на территории школы. Одно из моих любимых занятий – сообщать ему о птицах, которых я видела во время своих прогулок или пробежек. Его лицо всегда светится, когда я притворяюсь, будто меня удивил дятел. Думаю, он немного одинок... из-за этих нелепых слухов, будто у него нет жены потому, что он убил ее и бросил тело в озеро. Школьные слухи могут так глупо выйти из-под контроля. Я знаю, что он безобидный и очень милый старичок, а его жена пятнадцать лет назад умерла от рака груди. Я знаю это потому, что мы много говорим о наших семьях. Мне известно, что любимым цветком миссис Тависток был пион, а любимой птицей – малиновка. Я часто вижу, как он разговаривает с малиновками, и уверена, он верит, будто это – она, присматривает за ним.

Мистер Тависток поднимает руку в приветствии, и я машу в ответ. В каком-то смысле он мне как дедушка. Его семья много поколений ухаживала за этими землями, так что он знает Иллюмен Холл от и до.

Миновав его дом, я больше ни с кем не сталкиваюсь и слышу только хруст веток под ногами да шелест листьев над головой. Я наслаждаюсь тишиной и покоем. К тому моменту, как я вернусь с пробежки, остальные ученики проснутся, и для них начнется первый официальный день семестра. Все захотят обсудить подкаст, так что мне нужно проветрить голову. Я должна быть готова.

Моя пробежка ведет через лес Брэйтбон, и я ныряю под ветви, пока высокая трава лижет мои колени. В начале учебного года тропы еще не видно, она еще не вытоптана сотней ног любителей бега по пересеченной местности. Мне нравится оставлять тут свой след. Я своими глазами видела, как за короткие летние месяцы вновь прорастает трава, снова тянут свои ветви деревья, а земля опять становится «одичавшей». Школа забудет меня сразу после выпуска, если только я не сделаю что-то действительно выдающееся за ближайшие два года.

Например, ограблю банк. За большие деньги можно сделать так, чтобы одно крыло назвали моим именем или даже целое здание. Библиотека Мур-Чжан. Звучит приятно. И совсем не похоже на скучные старые имена белых мужчин, украшающие большинство залов и классных комнат.

Дорога сужается, когда я перехожу через мост на большую землю. Держусь леса, возвышенности, не спускаясь ни к дороге, которая ведет к ближайшему городу, ни к тропинке, которая сворачивает к пляжу.

Ненадолго закрываю глаза, а когда открываю, сорока срывается с дерева над головой. Ныряя и скользя сквозь ветви, она некоторое время следует за мной. Я приветствую ее, когда наши дороги пересекаются, и смотрю, как она исчезает за деревьями. Я всегда салютую сорокам, если вдруг вижу их, так делала моя бабушка, отгоняя несчастья. А несчастья мне сейчас точно не нужны.

Я как раз приближаюсь к полю с заброшенной церковью, когда сердце у меня обрывается, а дыхание перехватывает в горле. У меня жуткое чувство, будто кто-то преследует меня.

И тут я слышу треск ветки, которую сломала не моя нога. Вместо того чтобы обернуться и посмотреть, кто следует за мной, инстинктивно наклоняюсь и хватаю небольшой камень.

– ПОПАЛАСЬ! – кричит мужской голос, и меня хватают за плечи. Резко разворачиваюсь, каждый мускул тела напряжен. Когда я осознаю, кто на меня напал, камень выскальзывает из пальцев. Я вырываю наушники из ушей.

– Тедди, какого черта?

Он целует меня в губы, несмотря на то что я напряжена и неподатлива как камень.

– Извини, я думал, ты меня слышала. Я звал тебя по имени.

– Наушники, – поясняю я. Прищуриваюсь, потому что мне кажется, что он вовсе не выкрикивал мое имя, я бы услышала. *Он* не знает, что звук в моих наушниках отключен. Я невольно задаюсь вопросом, в какие игры он пытается играть.

– Ты меня напугал до чертиков. Какого черта ты тут делаешь? Ты что, все время бежал за мной?

Я встряхиваю руками и тру ладонь о ладонь, чтобы очиститься от грязи. Адреналин еще бродит в крови, так что я бреду дальше. Тедди идет со мной рядом.

– Как будто я могу за тобой угнаться. Нет, я помню твой любимый маршрут. Я знал, что ты будешь пробегать мимо, как и всегда, так что решил просто подождать.

– Ну, это *совсем* не жутко.

Он пожимает плечами.

– Ну да, когда я сказал это вслух, прозвучало немного чересчур. Но, честно говоря, Айви, я не знаю, как еще мы можем поговорить. У меня такое чувство, будто ты избегаешь меня. Ты не ответила на мои сообщения прошлой ночью после того, как зашла на сайт. – Он останавливается и хватается обе мои руки, поднося их к груди. Тедди пристально смотрит на меня своим настойчивым темно-карым взглядом. Я тут же чувствую неловкость.

– Ты слушал? – спрашиваю я. Мне не приходится уточнять.

– Ага.

– Что думаешь?

– Этот Н полон дерьма. Полиция, похоже, уверена, что никто тут не замешан, и я больше склонен верить им, это несчастный случай. А ты?

Я вздыхаю.

– Я думаю вот о чем: может, ты, наконец, расскажешь мне, где был в ту ночь? – Выдерживаю его взгляд, чтобы проследить реакцию. Он выглядит потрясенным, будто я протянула руку и ударила его по лицу.

– Я же говорил, я...

– Ты сказал, что был со своей семьей, но Миа говорит, что ты ушел после ужина и не возвращался, пока она не собралась спать.

Этот разговор повторялся целое лето. Тедди не скажет мне правду. А у его младшей сестры Миа нет причин лгать.

Он опускает голову. По крайней мере, у него хватает совести выглядеть пристыженно, а не вызывающе.

– Клянусь, я ехал к вам, но когда пришел на вечеринку, все уже закончилось. Там была полиция.

– Это не важно. Тебя там не было. Тебе не было со мной, когда... – Слова встают комом в горле. *«Когда ее тело вынесло на пляж. В худшую ночь моей жизни»*. В его мозгу не выжжен этот образ. Он может жить дальше. – Ну, полагаю, я тебя избегаю. Я думала, что за лето достаточно ясно дала понять, что в любом случае не ищу серьезных отношений. – Я отнимаю руки и иду дальше.

– Айви, за лето мы провели вместе много ночей... ты хочешь сказать, что это абсолютно ничего не значит? Если хочешь, чтобы мы просто остались «друзьями с бонусами», то я согласен. Но не могла бы ты сказать прямо?

Я начинаю бежать, потому что чувствую, как закипает кровь, и Тедди не остается ничего иного, кроме как бежать рядом, несмотря на то что обут он в белые конверсы, которые уже покрылись грязью.

– Я этого не говорю. Ты мне нравишься, ты замечательный, и да, мы хорошо проводили время летом. Но прямо сейчас я хочу сосредоточиться на школе, Тедди, ты знаешь, я действительно этого хочу. И еще немного сбавить градус, окей? – Притормаживаю, чтобы остановиться и улыбнуться ему. Он *действительно* до нелепого красив. Его темные волосы слегка выются во влажном воздухе, а точеные скулы розовеют от холода. Он давно не брился, так что на лице у него – небольшая щетина, и это лишь усложняет разговор, потому что, глядя на него сейчас, я хочу лишь стащить с него эти грязные конверсы, сорвать спортивные штаны и прижать к ближайшему дереву.

Он отбрасывает челку и пожимает плечами.

– Ну, это нормально. Это я понимаю.

Я знаю, что на самом деле он не понимает. И я даже сама не уверена, вполне ли я откровенна. Но он быстро отвлекается от темы, чего я и добивалась. Я чувствую, что влюбляюсь, а это не в моем стиле. У меня есть два последних года в Иллюмене, чтобы получить нужные мне оценки и, пойдя по маминим стопам, поступить в Оксбридж ¹¹.

– Знаешь что, Айви? Это очень дерьмово. Я думал, это будет *наше* время. Это мой последний год, и я даже постарался стать префектом, чтобы мы могли тусоваться вместе!

– Я *не просила* тебя делать это. – Я очень хочу бежать дальше. Слышу трекер в наушниках. Тоненький голос говорит мне: «Последняя миля через пятнадцать минут». Я забыла поставить паузу на телефоне. Теперь вся статистика испорчена, а тренировки важны для меня. Школа важна для меня. Если Тедди этого не понимает, значит, он мне не подходит.

Мы знаем друг друга с тех пор, как я начала обучение на седьмом году.

Тедди был на год старше, занудный мальчишка, любивший игры, у которого всегда, казалось, появлялись новейшие гаджеты... но он перерос это и теперь просто болезненно великолепен.

Между нами ничего не было вплоть до лета после выпуска десятого года, на одной из пляжных вечеринок. Немного навеселе, он взял меня за руку на закате после того, как весь вечер мы ловили взгляды друг друга, и повел меня к воде, где мы пьяно целовались несколько часов. Между нами сразу пробежала искра. Было почти слышно, как кровь пульсирует в наших телах, когда мы прижимаемся друг к другу. Я перешла от того, что почти не думала о нем, к тому, что одиннадцатый год думала о нем постоянно.

И каждый день он разрывал мой телефон. Иногда просто шутками или мемами, которые нашел и которые – как он знал – мне понравятся. Иногда это было его селфи, сделанное во время подработки в местном итальянском ресторанчике: улыбающийся, держащий в горсти свежеприготовленную лингвини.

Но очень быстро я приняла решение относиться ко всему этому больше как к физической, а не эмоциональной связи. Даже тогда у меня не было времени на парня, хотя я бы солгала, если бы сказала, будто не знала, что он хочет от наших отношений большего. Он хороший парень, так что, конечно же, кто-то, у кого есть время и не занятые ничем другим мозги, подберет его. Я просто не могу быть тем самым человеком.

– Ты *очень* мне нравишься, Айви. Больше, чем мне хочется признавать, стоя здесь, на ледяном холоде в семь утра, когда я испортил свои чертовы кроссовки. – Он наклоняется и берет меня за подбородок, его прохладные губы почти касаются моих.

– Я уверена, что грязь отойдет, – шепчу я в них.

¹¹ Собирательное название для университетов Оксфорд и Кембридж, двух старейших и самых уважаемых из шести старинных университетов Великобритании. (Прим. ред.)

– Ладно, ладно, я понимаю. Мы можем притормозить, но я хочу быть единственным парнем, которого ты планируешь обвить. – Он смеется над своим дурацким каламбуром по поводу моего имени, который он повторяет годами, но выражение моего лица не меняется.

Тедди вздыхает.

– Оставлю тебя наедине с твоей пробежкой. Меня ждут обязанности префекта.

Он наклоняется вперед, но в последнюю секунду я отворачиваюсь, и он целует меня в щеку, а не в губы. Я быстро перехожу на бег трусцой, так что он остается в недоумении, было ли это случайное движение или намеренное.

Мне нравится Тедди. Но свой План мне нравится еще больше. И мне придется пробежать *много* миль, если я собираюсь забыть о подкасте и смерти Лолы и снова сосредоточиться.

Я слышу, как он кричит позади:

– От тебя одни неприятности, Айви Мур-Чжан. – И после этого я бегу по тропе быстрее, чем когда бы то ни было прежде.

9. Одри

Я понимаю, что имела в виду миссис Эббот, когда сказала, что сегодня в Иллюмен Холле будет хаос. Я проснулась, прошла с затуманенным взглядом в общий душ, но испытала потрясение всей своей жизни, когда вышла из кабинки в одном полотенце и с мокрыми волосами и наткнулась на взгляд широко распахнутых глаз чьих-то родителей, стоящих в коридоре с коробками. Никогда в жизни я не бежала так быстро, возвращаясь в святилище своей комнаты.

Я прислоняюсь к двери, тяжело дыша. Айви уже ушла, она, должно быть, жаворонок, и я рада, что у меня появилась минутка наедине с собой. Сегодня все будет по-другому. Вчера была вспышка, аномалия. Сегодня – тот день, когда моя жизнь в Иллюмен Холле действительно начинается. У нас не так много занятий для начала, так что, думаю, я могу попытаться найти ОКС, о котором говорил Теодор, и случайно, но не так уж случайно, наткнуться на него. Я намерена произвести лучшее второе впечатление.

Я не спешу одеваться. Учítывая, что в моей старой школе не было формы, мне и в голову не приходило, что я когда-нибудь надену что-то подобное. Но мне нравится ощущение, что я принадлежу этому миру. Иллюмен Холлу. Я надеваю несколько браслетов, чтобы еще больше подчеркнуть свой образ.

Сушу волосы феном, не торопясь укладываю их в идеальные «пляжные» локоны. И уже начинаю наносить макияж, когда раздается стук в дверь.

– Входите, – откликаюсь я.

Миссис Парсонс просовывает голову в дверь.

– О, Одри, вот вы где.

Я хмурюсь, все еще держа в руке кисть для макияжа.

– А я должна быть где-то еще?

– Вы не читали свое расписание? Завтрак в семь тридцать.

– О, я не голодна.

Миссис Парсонс грозит мне пальцем. Мне начинает всерьез не нравиться эта женщина.

– Если ты здесь и переехала, то должна присутствовать. Таковы правила.

– А как насчет Айви? – выпаливаю я. – Ее тут нет.

– У префектов свои привилегии, заработанные тяжелым трудом, и у них много дополнительной нагрузки. – Она опускает взгляд на часы. – Если вы спуститесь вниз прямо сейчас, то еще успеете. Это будет отличное начало дня – не так уж часто доводится обедать в большом зале!

Мне требуются все силы, чтобы не закатить глаза.

– Ладно. Скоро спущусь. – Я накрасила лишь один глаз, но мне не потребуется больше пары минут, чтобы закончить.

К моему удивлению, миссис Парсонс входит и берет что-то с комода Айви. Пачку косметических салфеток. Она вручает их мне.

– Можете привести себя в порядок, пока мы идем.

– Вы шутите. Макияж тоже против правил?

Кастелянша поджимает губы. Похоже, она вовсе не шутит.

– Если это причина опозданий, то да. Так что, вы уже хотите получить свои первые штрафные баллы?

Внутренне я кричу. Беру у нее салфетку, пассивно-агрессивно дергая ее так, что она роняет пачку и вынуждена нагнуться за ней. Идя следом, я яростно тру глаза. Прохожу мимо телефона, все еще заключенного в стеклянную тюрьму. И все тот же старый айфон лежит на полке Айви. Я почти рычу, так раздражена. Но при виде большого зала мое дурное настроение улетучивается. Это прямо что-то из шекспировского фильма – длинное прямоугольное

помещение с балками темно-красного дерева, пересекающимися крест-накрест, словно каркас корабля под кремовым потолком. На стенах висят огромные гобелены, изображающие сцены из мифов и легенд. Столы ломятся от вкусностей: оладьи и фрукты, дымящиеся подносы с яичницей и колбасой. Это похоже на шведский стол на круизном лайнере. Интересно, это каждое утро так или просто накрыто для новых студентов и их родителей?

Здесь собрались лица, акценты и языки со всего мира, все болтают и устраиваются вокруг длинных деревянных столов. Мне даже кажется, что я слышу, как гнусавят один или два товарища-американца. Атмосфера довольно сдержанная: не та болтовня и волнение, которых я ожидала в первый день. Люди сбиваются в кучки, приглушенным шепотом обмениваются сплетнями.

«Они говорят не о тебе, не в этот раз», – напоминаю я себе. Захожу в зал, держа голову высоко поднятой.

– Одри, сюда!

Я поворачиваюсь на звук своего имени и вижу Бонни, сидящую с Араминтой и несколькими другими учениками за одним из длинных столов. Иду туда, и Бонни двигается на скамье, чтобы освободить мне место.

Араминта берет инициативу в свои руки, представляя всех со своей чарующей улыбкой. Она указывает на красивого парня с колючими черными волосами и блестящим значком старосты, таким же, как у нее.

– Это Ксандер, наш староста среди мальчиков, а рядом с ним Кэти и Джейн. Они обе префекты.

– Привет, – здороваюсь, чуть махнув рукой. Я чувствую себя немного неловко и потому тянусь, чтобы взять круассан.

– Внимание все, это Одри, новенькая из Америки!

– О, круто! Ты из какого штата? – Рыжие кудряшки Кэти едва не падают в хлопья, когда она наклоняется вперед.

– Осторожно! – ойкает Джейн, сидящая рядом. Она ловит локон Кэти прежде, чем он попадает в молоко.

– Джорджия, – отвечаю я.

– А разве это не страна? ¹² – спрашивает Ксандер.

– Разве? – отвечаю я, чуть нахмурившись.

– Тебе придется извинить Ксандера. Из-за того, что его родители – дипломаты, он помещен на географии, – перебивает Араминта. – Одри, как прошла твоя первая ночь?

– О, знаешь, нормально. Немного жутко от ветра, бьющего в окна. Кроме того, это огромное здание. Я никогда не начну здесь ориентироваться.

– Странно, что ты не прыгнула в первый же автобус обратно, – бормочет Джейн.

– В смысле? – спрашиваю я.

– Ты не слушала? – Она вскидывает бровь.

– Слушала что?

Практически одновременно вся группа учеников откидывается назад и дружно выдыхает, обмениваясь удивленными взглядами. Я съеживаюсь, гадая, что я могла сделать... или, скорее, *не сделать*.

– Ну, я, например, рада за тебя. И не нужно слушать. Все равно это мерзкие, отвратительные сплетни, – заявляет Араминта. – Давайте сменим тему. Ты в Доме Гелиоса, верно? Какой у тебя номер комнаты? Так мы сможем снарядить поисковую партию, если ты вдруг потеряешься! – Она хохочет над своей шуткой.

– Номер семь.

¹² Название штата Джорджия по-английски звучит так же, как название страны Грузия. (Прим. ред.)

Тень пробегает по лицу Араминты так быстро, что я едва замечаю ее. Затем глаза ее стекленеют от наворачивающихся слез. Это не та реакция, которой я ожидаю.

– О, бедняжка!

– Что? – тревожно спрашиваю я.

– Это бывшая комната Лолы. Бедная, бедная Лола, – говорит она больше себе, чем мне. «О, точно». Я не могу не восхититься тем, как прекрасно она изображает скорбь: со сложенными на коленях руками и единственной слезинкой, катящейся по щеке.

– Минти, ты в порядке? – спрашивает Бонни, сжимая ее плечо.

– Я все еще так расстроена из-за того, что случилось, – отвечает она.

Джейн издает всхлип и тоже начинает плакать. Что, драма тут заразна?

Араминта шмыгает носом.

– Думаю, нам все-таки не удастся избежать этой темы. Ты помнишь те флаеры, которые упали, когда вчера выключился свет?

– Да, – киваю я.

– Там был адрес сайта со ссылкой на подкаст о несчастном случае, произошедшем с Лолой. Самое страшное, что в ее смерти копаются вот так. Подумать только, сейчас она, а не я, должна была быть старостой.

– Это ужасно, – говорит Джейн, сморщив нос.

– Отвратительно, – сочувственно кивает Араминта. – В любом случае это абсолютная ложь, и я уверена, миссис Эббот как можно скорее найдет того, кто это сделал, и заставит замолчать.

Желудок у меня сжимается. Я знаю, что не должна спрашивать, но мне все равно интересно, что обсуждает вся школа. Хотя это – именно то, чего мне следует избегать.

– Итак, если это не слишком болезненно для вас, кто-нибудь может рассказать мне, что произошло?

Все сидящие за столом обмениваются взглядами и, похоже, приходят к единодушному мнению, что инициативу на себя должна взять Араминта. Она делает глубокий вдох.

– Вау, я даже забыла, что в мире есть люди, которые могли не слышать о том, что случилось с Лолой Рэдклифф. – Она медлит, как будто думает, с чего начать. Все вокруг стола сидят тихо. – Итак, каждый год на пляже мы устраиваем вечеринку в честь окончания учебного года. Это традиция Иллюмен Холла, одна из главных ночей в году, если честно, и все шло очень хорошо. Была прекрасная погода, костер, отличная музыка, но потом в какой-то момент раздался крик, и мы все бросились вниз, к воде, и... – Голос Араминты ломается.

Рыжеволосая Кэти подхватывает рассказ.

– Ее тело вынесло на пляж. Вот так вот просто. Полиция провела огромное расследование, и я практически уверена, что за лето они допросили всю школу, но в конце концов пришли к выводу, что это был несчастный случай. Однако большинство считает, что она, должно быть, ну, понимаешь, покончила с собой.

– Пусть даже она не оставила записки, – вклинивается Джейн. – И Лола *никогда* бы не сделала этого.

Кэти кивает.

– А потом вчера появился этот жуткий подкаст. Этот аноним заявляет, что это не был несчастный случай или самоубийство. Он считает, это было...

Араминта вскакивает на ноги, сжав кулаки.

– Кэти, не смей произносить это! – Ее голос звенит так громко, что весь зал замолкает. Араминте, кажется, все равно. Все ее внимание сосредоточено на Кэти, которая съеживается под напором ярости более высокой девушки. – *Никогда* не болтай о подобном. Разве ты не знаешь, как это оскорбительно? То, что ты не дружила с ней, не дает тебе права выдвигать обвинения. – Она выбегает из зала, оставляя позади дюжину разинутых ртов.

Я смотрю на Кэти, которая выглядит потрясенной. Я ее понимаю. Но затем она говорит что-то так тихо, что я не уверена, не почудилось ли мне.

– Ты ведь тоже с ней не дружила, Минти, – бормочет она.

Бонни подсакивает и бежит за Араминтой. Джейн поворачивается к Ксандеру, который сжимает ее плечо, и они уходят вместе. Тем временем Кэти окидывает меня взглядом.

– Ты в порядке?

Я понимаю, что дрожу так, что крошки от круассана засыпают мои колени. Кладу его обратно и отряхиваюсь.

– Я просто не знаю, что сказать, потому что я не знала ее, Лолу.

– Едва ли кто-то тут был очень близок с ней... кроме, может, Джейн и Элоизы... но все притворяются, будто были с ней лучшими друзьями, понимаешь? Особенно... – Она кивает в сторону Араминты, затем пожимает плечами. – Это печально, но люди это переживут. Все случилось несколько месяцев назад. Тот подкаст – полное дерьмо. Никто не хотел убивать Лолу. Кто-то просто создает скандал на пустом месте. Давай сменим тему. Как тебе живется в одной комнате с Чудо-Айви?

В горле у меня полностью пересыхает при этих словах, но, кажется, Кэти не замечает. Я сглатываю несколько раз, стараясь вести себя как нормальный человек, которого только что не пробил холодный пот.

– Чудо-Айви? – переспрашиваю я.

Она смеется, прикрывая рот ладонью.

– О боже, прошу, не повторяй это. Ты, наверное, еще недостаточно хорошо ее знаешь, но эта девушка хороша во всем. Серьезно, это пугает. Она какой-то вундеркинд. Полная стипендия каждый год. Международная чемпионка. Маэстро музыки. Она гарантированно станет старостой в следующем году... ну, стала бы.

– В смысле?

Кэти оглядывается, проверяя, нет ли кого поблизости, кто мог бы нас услышать.

– Это что-то вроде внутренней политики Иллюмен Холла, так что я понимаю, что ты ничего этого не знаешь. Но обычно на первом году шестой ступени выбирают одного или двух префектов, которые словно избранные. Знаешь, они становятся тенью старост, и обычно они получают собственную комнату и прочие особые привилегии. В этом году это должна была быть Айви. Она была официальной заменой Лолы. Но теперь старостой стала Араминта. Так что положение Айви несколько неопределенно. Араминта может выбрать кого-нибудь другого. Например, Бонни. – Кэти выпрямляется. – Итак, расскажи мне о своих занятиях?

Я улыбаюсь в ответ, благодарная за нормальный разговор. Рассказываю ей о своем расписании, а она в свою очередь говорит мне, какие учителя мне понравятся, а каких лучше избегать. Не успеваю опомниться, как раздается звонок.

– Какой у тебя первый урок? – спрашивает Кэти, когда мы встаем и выходим из большого зала.

– История с мистером Уиллисом.

Она присвистывает.

– О, удачи в том, чтобы сосредоточиться на уроке! Слушай, хочешь совет?

Я киваю и улыбаюсь, когда она притормаживает перед дверями.

– Я знаю, вы соседки с Айви, но ты вполне вписываешься в нашу компанию. Держись с нами. Это сделает твою жизнь намного проще.

– Меня это вполне устраивает. Не думаю, что Айви интересуется перспектива стать моей подругой.

– Хорошо. Это все решает. Встретимся в ОКС после занятий? – Она убегает раньше, чем я, снова, успеваю спросить, что это за чертов ОКС?

10. Айви

Вернувшись в школу, я все еще на взводе после встречи с Тедди. У меня час до начала дежурства, поэтому быстро прыгаю в душ, а затем спускаюсь вниз, в подвал здания, где расположены классы для занятий музыкой.

Музыка – еще одно спасение и бремя. Во что бы я ни вкладывала свою энергию, я должна быть лучшей в этом. В прошлом году у меня прошло несколько сеансов с психотерапевтом, она беспокоилась о том, что я выгораю. Но миллион миль в час – моя скорость по умолчанию. Не нужно иметь степень в психологии, чтобы понять это.

Я всегда знала, что если хочу чего-то добиться в жизни, то должна сделать это сама. Музыка дала мне путь к этому: в конце концов, это причина, по которой я получила полную стипендию в Иллюмен Холле. Мои родители не могли ничем помочь.

После того как папа ушел, мама записала меня на все внеклассные занятия, и, честно говоря, за эти годы я попробовала свои силы со всеми музыкальными инструментами. Полагаю, вкладывать деньги, которых у нее никогда не было, в мое будущее стало маминым способом реабилитироваться и дать мне такую жизнь, которую, как ей казалось, она не смогла обеспечить себе. Она работала на трех работах, чтобы платить за мои бесконечные занятия, и постоянно напоминала мне, что ничто ценное не дается легко.

Хотя барабаны и саксофон не продвинулись дальше четвертого или пятого занятия и начали поступать жалобы от соседей, вскоре стало ясно, что пианино – мое призвание, на нем я и остановилась.

В подвале Иллюмен Холла есть несколько репетиционных залов, но в моем любимом стоит рояль Фазиоли. Это удивительный, отполированный до блеска инструмент, на его поверхности нет ни единого пятнышка. Кто бы ни пожертвовал этот рояль школе, он наверняка был богачом. Самыми кончиками пальцев я поднимаю тяжелую крышку, которая закрывает клавиши. Вытягиваю руки. Суставы трещат, когда я их разминаю.

Моим пальцам достаточно мгновения, чтобы приноровиться к тугим клавишам, занять нужную позицию. А потом руки летают над слоновой костью, разогреваясь арпеджио, которым гордилась бы моя наставница, мисс Чигуэлл.

Сейчас я готовлюсь к экзамену восьмого класса, который сдам через пару месяцев. Первая пьеса – *Presto alla Tedesca* Бетховена. Я чувствую, что поняла ее практически полностью, но ближе к концу есть один фрагмент, над которым мои руки каждый раз замирают, и это начинает меня раздражать. Когда я приближаюсь к той части, с которой воюю, на моем телефоне срабатывает таймер: тот, который означает, что я должна быть в классе через пятнадцать минут, и я ругаю себя за то, что не понимала, как долго уже просидела за роялем.

Осторожно закрываю крышку и встаю, собираясь с мыслями. Затем кладу на крышку ладонь. Когда поднимаю ее, отпечаток моей руки какое-то время виден на мерцающей черной поверхности, прежде чем снова раствориться во тьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.